КРОКОДИЛ



Рисунок А. ЦВЕТКОВА

— Не беспокойтесь, Иван Иванович! Отделаем вашу машину, как игрушечку!

Е. КРУКОВЕЦ,
специальный
корреспондент Крокодила

НЕ В ТЕЛЕВИЗОРЕ СЧАСТЬЕ...

...И телевизор приобрели. Даже целую телеустановку. Двадцать одной тысячи не пожалели. Не поленились: из далекой Средней Азии, где эта установка кому-то ни к чему оказалась, привезли. Года два устанавливали. И вот — есть! В кабинете директора сразу бросается в глаза это наглядное свидетельство научно-технической революции. Нажал кнопку — и увидел проходную, или колбасный цех, или холодильник. Что захотел, то и увидел.

Мне конфиденциально намекнули, что камеры телеустановки направлены на наиболее «кражеопасные» места. Это чтобы директор, не выходя из кабинета, мог увидеть, где в данный момент пытаются умыкнуть мясопродукты. Поэтому злоумышленники теперь вынуждены ждать, пока директор выйдет из кабинета. Очень им этим самым дело осложнили.

Пока я с восхищением разглядывал стоящий в углу телевизор, руководители мясокомбината сокрушенно жаловались:

— Вот уже и телеустановку внедрили. И решение бюро горкома партии о нашем комбинате обсудили во всех цехах, и лекции о пагубности хищений читали, и наглядную агитацию оборудовали, а вот хищения продолжаются. Может, вы подскажете, что тут еще можно сделать?

И я мысленно поклялся: не уеду из Черновиц до тех пор, пока не подскажу что-нибудь дельное.

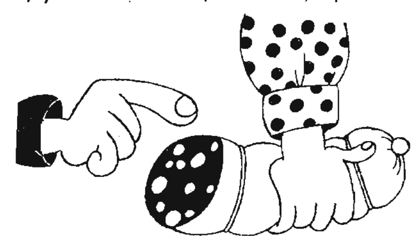
Несколько помог мне в этом некто Н. М. Унгурян, который недели за две до моего приезда попытался вынести из цеха 12 килограммов говядины и был задержан дружинниками предприятия. Через четыре дня директор мясокомбината В. И. Баркалов наложил резолюцию: «Возьмите объяснение у т. Унгуряна и доложите еще». Тут дело такое. Директору, может, интересно подробнее узнать, для чего это Унгуряну понадобилось именно 12 килограммов: то ли он гостей ждал, то ли сам в гости собрался. Вот пусть и объяснит. Но Унгурян объяснения не дал, и поэтому никто не знает, для чего ему сразу столько мяса потребовалось. Известно, однако, что и через две недели после кражи никаких мер к Унгуряну принято не было.

Почему? Прямого ответа на этот вопрос получить не удалось. Оставалось сообразить самому.

Уволить Унгуряна, разумеется, нетрудно было. Но при этом он мог сказать:

— Ах, вот как: Унгуряна — так сразу и увольнять! А с Аксенфельдом и Зинченко, небось, возились?..

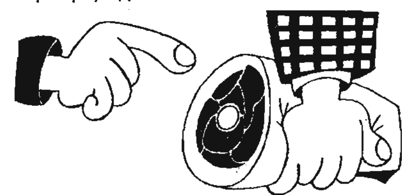
И впрямь возились. Экспедитора Аксенфельда четыре раза задерживали с ворованным мясом и лишь после этого уволили. А с П. К. Зинченко и вовсе забавно вышло. Еще в 1967 году Полину Карповну, работавшую весовщиком колбасного цеха, уволили за хищение. Но через год



директор комбината снова принял ее мастером этого же цеха. Вскоре ее вновь задержали с украденной колбасой. Обошли этот случай молчанием. И лишь после того, как бюро горкома партии указало, что на комбинате продолжают работать люди, не внушающие доверия (в том числе персонально и П. К. Зинченко), директор дождался удобного повода — Полина Карповна украла сразу 17 килограммов мяса — и уволил ее.

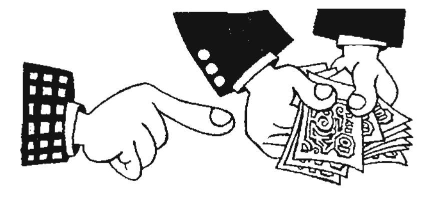
Вот о чем мог обиженно сказать Унгурян. Правда, в ответ могли заметить, что так было в прошлом, а теперь на комбинате решили принимать радикальные меры. Но тогда Унгурян мог вспомнить о недавнем случае с Ереминым и сказать:

— Ах, вот как: к Унгуряну — так радикальные, а к Еремину — без радикальных обошлись? Потому что он парторг, да?



С Ереминым, что и говорить, нескладно вышло. Секретарь партбюро колбасного цеха Еремин, собираясь в отпуск, решил прихватить с собой три килограмма сала. Хотел, вероятно, показать землякам, какой на комбинате шпик бывает. А его задержали. От обязанностей секретаря Еремина, разумеется, освободили, партийное взыскание наложили, но с работы не уволили. Да и как уволить? Ведь и Еремин мог сказать:

— Ах, вот как: Еремину — так и «строгача», и с работы вон, а как дело Рябко касается, так сочли нужным тормоза применить? Потому что он руководитель, да?

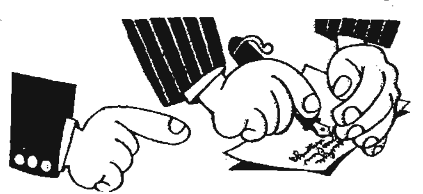


Иван Трофимович Рябко и вправду руководитель. Главный механик. И что историю с ним на тормозах спустили — тоже факт. Нет, мяса главный механик не воровал. Он, как говорится, брал наличными. Оформил себя на подведомственном Новоселицком птицекомбинате слесарем VI разряда. Фактически все свелось к тому, что Рябко давал некоторые консультации по монтажу холодильника, за что в течение четырех месяцев получал вторую зарплату. А всего 520 рублей набежало. В табелях явки на работу значилось, что слесарь Рябко И. Т. ежедневно отрабатывает на птицекомбинате восемь часов.

Когда фальсификацию вскрыли, директор Баркалов издал приказ, в котором предложил Рябко возвратить птицекомбинату незаконно полученные деньги. И все. Правда, и партийная организация отреагировала: коммунисту Рябко объявили выговор за... отстранение от руководства соревнованием в отделе.

Конечно, можно было и построже подойти, и серьезнее наказать за столь откровенное злоупотребление служебным положением. Чтоб и подчиненные видели: за нарушением следует наказание. Так-то оно так. Но ведь в этом случае тот же Рябко мог недвусмысленно напомнить историю с главным метрологом комбината И. В. Моиком. И мог неподдельно удивиться: почему, мол, тому все сошло с рук? Ведь Моик тоже в свое время и фиктивные ведомости составлял, и наряды...

Деятельностью Моика долго занималась прокуратура города. И в конце концов пришла к выводу, что в практике работы главного метролога Моика И. Б. «имели место факты нарушения порядка... и злоупотребления по службе, содержащие формальный состав преступления». А при-

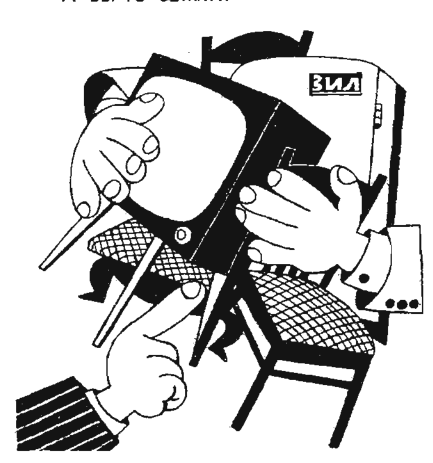


дя к такому выводу, ограничилась тем, что направила на комбинат представление: сами, мол, решайте, может ли такой человек и впредь оставаться на руководящей работе.

Мне не удалось установить, с кем и как советовался директор Баркалов, решая этот вопрос. Но, так или иначе, Моик и до сих пор продолжает преспокойно оставаться в той же руководящей должности.

Что и говорить, представление прокуратуры давало все основания принять по отношению к Моику совершенно противоположное решение. Но тогда... Тогда Моик ведь тоже мог сказать В. И. Баркалову:

— А вы-то сами?!



Вот в том-то и дело, что и сам Василий Ильич тоже, как бы это поделикатней выразиться... Ну, скажите, пожалуйста, как это назвать, когда директор заставляет рабочих стройгруппы комбината ремонтировать свою квартиру и оплачивает их труд по явно заниженным расценкам? А когда директору захотелось приобрести в рассрочку мебельный гарнитур, то один из его подчиненных оформил это почему-то на себя. И сам исправно вносил надлежащие взносы. А другой подчиненный привез ему из Ивано-Франковска телевизор «Электрон». А третий — холодильник «ЗИЛ». Из Воскресенска. Деньги директор, судя по их заверениям, вернул. Но не слишком ли все это усложнено? Не проще ли покупать вещи самому, не обременяя подчиненных?

Взвесив и оценив все аспекты деятельности директора комбината, члены бюро горкома партии пришли к выводу, что «Баркалов В. И. заслуживает освобождения от занимаемой должности и исключения из рядов партии». Но в последний момент дрогнули и все-таки лишили человека того, что он заслужил. Вписали магическое слово «учитывая» и ограничились строгим выговором.

Что ж, и это наказание немалое. Главное ведь, чтобы мясо на комбинате не воровали. Но хищения продолжаются...

Вот какие пирожки получаются. С краденым мясом.

Впрочем, чуть не забыл, — я ведь грозился дать совет относительно искоренения хищений. Но нужен ли он? Ведь ясно же, в чем тут дело. Мало (даже по телевизору) углядеть, что кто-то где-то что-то уволок. Надо еще иметь полное моральное право строго спросить за это.

Как говорится, не в телевизоре счастье...

г. Черновцы.

НА ПРИЗ СПРАВЕДЛИВОСТИ

«СПЕШИТЕ!»

Управляющий Оренбургским трестом промстройматериалов Г. Маслов извещает, что желающие приобрести кирпичную крошку могут не спешить. Оренбургский кирпичный завод, как это отмечал дежурный по Столу находок («Крокодил» № 21), отгружал кирпич иавалом и потому было много боя. Сейчас потребители получают кирпич в целости, поскольку завод отгружает его пакетамн на поддонах.

ЕСТЬ И ТЕЛЕГИ...

В № 27 «Крокодила» был опубликован редкостный снимок, присланный нам из одного колхоза Архангельской области: в июле на санях везут бидоны из-под молока (за неимением телег).

Как сообщила нам заведующая отделом хозяйственных товаров Архангельского облпотребсоюза Г. А. Меренгина, сейчас телеги имеются в продаже и могут быть отпущены по первому требованию любому колхозу в неограниченном количестве. Так что сани можно со спокойной совестью готовить к зиме.

«ЮНОШИ-НЕСУШКИ»

Таковые непременно появились бы на территории Надеждинского района, Приморского края, согласно постановлению тамошнего райкома комсомола. Этим постановлением райком обязал школьников, пионеров и комсомольцев выполнить определенный яичный лимит: достать, где угодно, и внести в магазины местной нооперации от трех до пяти янц.

После заметки «Юноши-несушки» («Крокодил», № 20) Надеждинский райком комсомола издал еще одно постановление и отменил яйцелимит.

— Товарищ директор! Уволите Спиридонова, он нам всем мешает — храпит!

Рисунок Е. ГУРОВА

А. ПОРТЕР

Слишком впечатляюще

По городу Ярославлю, весь в саже и в пепле, бежал человек. Он стучался в различные ответственные двери и кричал:

— Караул! Горим! Жуть что делается!

Этот человек с испугу малость преувеличивал. Страшного ничего не было. Скорее наоборот. Очень даже впечатляюще. На окраине города Ярославля горели костры. Высокие, жаркие.

Там, на городской свалке величественно сгорало каждый день по четыре тонны бумаги.

Ее палили сразу несколько предприятий:

Ярославский шинный завод
Завод «Резинотехника»
Завод резинотехнических изделий
Завод резиновой обуви

Тут вы, конечно, можете спросить: что за чушь такая? И как это вообще можно?

Дело в том, что все означенные предприятия производят резину. Так вот, чтобы эту резину изготовить, непременно нужна сажа. Без нее никак нельзя. А сажу доставляют в бумажных мешках. Может, видели, в них еще удобрения возят и другой сыпучий продукт?

Так вот, сажу, значит, в производство, а мешок? Куда девать бумажный мешок?

Было время, когда эти мешки брал рыбинский бумагоделательный завод «Искра Октября». И превращал их в различные канцелярские папочки типа «Дело №» и прочие необходимые вещи.

Хотя мешок был из-под сажи, папочки выходили чистыми. Зато протекающая рядом река Волга становилась от этого производства грязной.

Тогда «Воднадзор» и сказал:

— Граждане бумажники, постройте сначала для вашего сырья специальные очистные сооружения, а тогда уж и продолжайте делать из мешков папочки.

На что заводы ответили:

— А ну их, эти специальные сооружения! Мы уж лучше без мешков.

И, значит, от мешков отказались. С тех пор и горели мешки на свалке около города Ярославля. По четыре тонны в день. Очень впечатляющее зрелище!

А вокруг этого зрелища бегали граждане из близлежащих домов, все в пепле и саже, и кричали:

— Караул! Безобразие!

Но надо сказать, что совсем недавно этим гражданам пошли в Ярославле навстречу. И решили бумагу не жечь, а закапывать.

В землю. По четыре тонны в день. Тоже, видимо, будет впечатляющее зрелище!

г. Ярославль.



Товарищ Обтекающий

Михаил ВЛАДИМОВ

Есть в неком управлении,
А может быть, в правлении
Товарищ Обтекающий,
Пост видный занимающий,
Прилично получающий,
Без дела не скучающий
И все же тем не менее
Звезд с неба не хватающий.

Его узнать вы сможете
При встрече безошибочно:
Он весь такой душевненький,
И приторно-улыбочный,
И нежно всем внимающий,
И нужды понимающий,
Но мер не принимающий —
Товарищ Обтекающий.

Сшибаются два мнения,
Острейшая дискуссия.
И не жалеют рвения
Соперники искусные...

Ни «да», ни «нет» не выскажет
Товарищ Обтекающий,
Неверному и верному
Бесстрастно потакающий.

И если на собрании
Бубнит, с трибуны свесившись,
Оратор усыпляющий,
Доклад с листа читающий,
Имен не называющий,
Фигур не задевающий,
То этот выступающий —
Товарищ Обтекающий.

И если книга встретится
Беззубая и гладкая,
Прикрытая цитатками,
Как будто бы заплатками,
То, бегло проштудировав,
Поймет любой читающий,
Что книгу сконструировал
Товарищ Обтекающий.

Все острое срезающий,
Все сложное снимающий,
По своему подобию
Берет он в штат товарищей.
И станет заместителем
Товарищ Огибающий,
Когда руководителем
Назначен Обтекающий.

Но лишь его заденете,
Куда вся гладкость денется!
Он с этого мгновения
Уже не Обтекающий,
А с грязью вас мешающий
И с должности смещающий
Товарищ Зажимающий,
Товарищ Пресекающий!



МАГНИТ

Рисунок Ю. УЗБЯКОВА



— Открывай дверь, комиссия дом принимать идет!

Рисунок Б. САВКОВА



Амеба в колбе

Часы пробили полночь. Вадим Семенович прислушался к зловещему двенадцатому удару и, почувствовав, как повеяло запахом спичек фабрики «Маяк», поднял голову от чертежа. Перед ним стоял смуглый гражданин с узким демоническим профилем.

— В чем дело? — спросил Вадим Семенович.

— Не волнуйтесь,— сказал ночной посетитель.— Меня зовут Асмодей Вельзевулович. «Са-та-на там правит бал, са-та-на там правит бал!» — пропел он ужасным голосом провинциального баса.— Музыка Гуно... Словом, я — Мефистофель.

— Короче! — потребовал Вадим Семенович.— У меня расчет коленчатого вала.

Асмодей Вельзевулович примиренчески кивнул.

— Хорошо,— сказал он, садясь на стул и грациозно покачивая копытом.— Как вы знаете, меня всю жизнь интересовало серое мозговое вещество. Вспомните доктора Фауста. Кстати, у вас названное вещество есть... Но...— Тут представитель нечистой силы застеснялся и прибавил вполголоса: — Титаны литературы были правы, утверждая, что меня интересует также душа.

С этими словами он классическим движением фокусника добыл из-под лилового сюртука большую колбу, свободной же рукой прикоснулся к Вадиму Семеновичу. Колба засветилась, как люминесцентная лампа.

— Вот видите, с этим у вас тоже неплохо,— отметил Асмодей Вельзевулович.— Самая высокая концентрация... Слушайте, продайте мне душу!

Вадим Семенович встал и тихо сказал:

— Пошел вон!

Запах изделий фабрики «Маяк» исчез, а вместе с ним улетучился А. В. Мефистофель.

О визите незваного гостя Вадим Семенович, понятно, не сказал никому ни словечка. Только жене. И она одобрила его поступок по существу, хотя нашла, что по форме следовало бы подобрать более обтекаемые слова, нежели «Пошел вон!».

— А вообще, ты всегда у меня был идеалист, бессребреник, тюха-матюха. За это я тебя, Вадя, и полюбила...

Поработав еще несколько дней, Вадим Семенович закончил изобретение, сулившее маленький переворот в металлургической промышленности.

Через месяц его вызвали в БРИЗ и весело начислили 1 267 рублей.

— А нужно ли? — засомневался идеалист.

— Бери, бери, коли дают. Законный стимул, материальное вознаграждение.

Вадим Семенович и его жена приобрели венгерский гарнитур под цвет «каленый каштан», убедившись при этом, что законный стимул не такая уж плохая вещь.

В тот же день, вернее, в ту же ночь, когда пробило двенадцать, вновь заскочил на минуту Асмодей Вельзевулович.

— Ну как? — спросил он.— Получили 1 267 рублей?

— Получил.

— За такую-то работу! Эх-ма, серое вещество... А я бы дал вам за ничто, за звук пустой — эфемерную душу — 25 тысяч целковых.

— Пошел вон! — уже менее уверенно сказал Вадим Семенович.

Поборов искус, он засел за новые чертежи, но на изобретение его труд не потянул, а только на ценное рацпредложение. И то не в металлургической, а в кухонной промышленности.

На этот раз ему выплатили 365 рублей.

Вадим Семенович почувствовал себя оскорбленным, но виду не подал и, придя домой, стал творить далее. В итоге родилась идея, чтобы водители самосвалов ездили не через Каменный Брод на Кайдаки, а через Лобойковку на Каменный Брод, и эта идея потянула всего-навсего — стыдно сказать! — на сорок рублей: «за инициативу»...

Вадим Семенович хотел тут же вернуть нищенский гонорар, но машинально засунул его во внутренний карман пиджака.

Он был потрясен. Мысль о материальном вознаграждении, которая присутствует у каждого творческого человека, принимала в его голове гипертрофические формы. Были ли тому причиной коварные штучки Асмодея? Или оказал свое вредное влияние гарнитур? Или, быть может, в глубине могучего интеллекта давно уже зрели вредные бациллы? Не знаю, не знаю...

Во всяком случае, с сорока рублями бывший идеалист мириться не мог. Он продолжал творить и в конце концов открыл способ, как делать клей из силикатного кирпича. За это ему не дали ни копейки.

— Так тебе и надо, ишаку,— сказала жена, зеркально отражавшая чувства супруга.

К этому времени Вадим Семенович воздвиг для себя светлую мечту: сколотить уже упоминавшуюся сумму — 25 тысяч целковых.

Теперь он был уже не прочь переговорить со смуглым гражданином, но тот куда-то запропастился — видно, мотался по своим скупочным делам в других частях света.

Оставалось положиться на собственные силы. Забросив изобретательство, Вадим Семенович стал искать более перспективное предприятие и вскоре обнаружил его возле магазина «1000 мелочей». Здесь, на асфальтовом плацу, шумела-гудела толкучка: меняли коттеджи, квартиры, гаражи, дачи. Окна на юг — на третий этаж, третий этаж — на большую кухню, большую кухню — на отдельный ход, а отдельный ход — на несовмещенный узел.

Через три дня, приспособившись, Вадим Семенович разыграл удивительной красоты обменный этюд в шесть ходов. В результате комбинации, которая останется недоступной нашему пониманию, он обменял довоенный чулан на особняк в переулке и сверх того высвободил для вольной продажи чудную однокомнатную квартирку.

Казалось, вот где залегла золотая жила! Но не прошло и недели, как некоего джентльмена с обменной толкучки пригласили куда следует, и осторожный Вадим Семенович предусмотрительно покинул доходный плац.

«А теперь что?» — трудно мыслил он, возвращаясь домой. Складывалось поганое положение...

На углу Второй Поперечной улицы и улицы Железнодорожников он нагнал худого, дистрофического склада субъекта и радостно воскликнул:

— А, Асмодей Вельзевулович! Наконец-то.

— Что такое? — спросил субъект тоном оскорбленного бухгалтера. И, оглянувшись по сторонам, добавил: — А, это вы? Ну так что?

— Я, пожалуй, согласен.

А. В. Мефистофель пожал плечами и, вздохнув, повел собеседника к ближайшей бульварной скамейке. Там он, достав большую колбу, прикоснулся к Вадиму Семеновичу.

— Глядите!

В колбе было черным-черно. На короткий период вспыхнул бледный огонек, этакая зеленая амеба, и тут же погас.

— Я покупаю только кондиционные души,— объявил Асмодей Вельзевулович.— А вы что мне предлагаете, уважаемый?

И, отряхнув заношенный сюртук, он удалился, стуча копытами.

«ЮГО-ЗАПАДНЫЙ»

Законодатели

Я так торопился на лекцию, что по ошибке надел разноцветные носки, а вместо галстука нацепил фартучек-слюнявчик племянника Сережки.

На улице мне встретился бывший школьный товарищ Гарри (в переводе на русский — Гриша). Окинув меня взглядом, он удивленно свистнул. Однако свою ошибку я заметил лишь в троллейбусе. Покраснев, сдернул с себя фартучек-слюнявчик, но переменить носки было затруднительно. Именно после этого случая меня стали считать законодателем мод в нашем городе.

На следующее утро мне вновь встретился Гарри-Гришка. Он издали приветствовал меня легким поднятием руки.

— Хэлло, старик! — сказал Гарри.

Теперь уже я удивленно свистнул: на Гарри были разноцветные носки, а на шее болтался детский фартучек ярко-оранжевого цвета.

По дороге в институт я насчитал восемь «Гарри» в разноцветных носках и слюнявчиках вместо галстуков. К вечеру я сбился со счета.

Эпидемия разноцветных носков и слюнявчиков распространялась по городу со скоростью гонконгского гриппа. Магазины детских товаров перешли на круглосуточную работу. Нужно было что-то предпринимать. Поразмыслив, я решил разделить бремя славы на двоих и привлек в «законодатели» своего друга Мишку.

Мишкин дед был в старые времена пожарным, и где-то на чердаке у него сохранилась пара широких брезентовых поясов с железными кольцами. Вечером мы с другом вышли на улицу в этих поясах. Торжественно прошагали через центр города. За нами почтительно двигалась толпа нечесаных парней.

В течение следующей недели на окраине города сгорел дом, две жилые кухни и курятник. Пожарные не могли включиться в кампанию по тушению по причине сползания брезентовых штанов: отсутствовали спецпояса. Над городом нависла опасность. Нужно было что-то предпринимать.

— Повесим на шею собачьи ошейники,— предложил я.— С колокольчиками!

— Не подойдет! — отверг мое предложение Мишка.— В городе проводится месячник тишины.

Но тут, кстати, работающий по торговой части Мишкин свояк Шахов пожаловался ему, что база завалена устаревшими шляпами, а хозмаги — электролампочками. На следующее утро мы с Мишкой гордо шествовали по городу в шляпах с обрезанными полями и с двумя козыречками: спереди и сзади. На шее у нас болтались электролампочки, подвешенные на шнурках от ботинок.

Вечером позвонил Михаил.

— Спеши ко мне! — жизнелюбиво сказал он.— Коньячок на столе. Свояк принес. У них там за шляпами такая давка, что пришлось вызвать в магазин конную милицию. Говорит, четвертый годовой план начали выполнять.

А еще через неделю город погрузился в темноту. Электрические лампочки можно было достать только по большому знакомству — на уровне самых близких родственников. На троллейбусных остановках в часы «пик» пришлось установить дежурство энтузиастов-пенсионеров из группы «Здоровье», которые после посадки пассажиров забрасывали в окошко троллейбуса свалившиеся незашнурованные ботинки.

Нет, дальше так продолжаться не могло! Нужно было что-то предпринимать.

На следующее утро мы с Мишкой вышли из квартир с метлами на плече, в дворницких фартуках, надетых на спину, и принялись усердно подметать улицу.

На этот раз подражать нам никто не стал. Жизнь города вошла в обычную колею.

«МОДУЛЬ»

Голубой рай

— Милый! — сказала жена нежным, многообещающим голосом через месяц после нашей свадьбы.— Я не буду твоей женой, если не совью уютного гнездышка для нас.

Я засмеялся жизнерадостным смехом супруга с месячным стажем.

— Дело в мебели! — воскликнула жена.— Все свадебные подарки: крапивного цвета диван и не гармонирующий с ним розовый торшер, коричневый стол и бесцветные стулья — мы отвезем моим родителям. А на пустом месте создадим голубой рай! — Она прыгнула мне на шею, и я, вспомнив увиденный недавно в цирке номер виртуозов-акробатов, закружил ее по комнате.

Когда радостная волна от блестящих перспектив схлынула, я спросил:

— А... а почему голубой?

— У нас будет мебель нежно-голубого цвета! Это так модно! Голубой цвет — это цвет бездонного неба и Черного моря! У нас будет голубая тахта и голубые мягкие кресла, молочно-голубая люстра и голубые занавески на полке для посуды, мы будем ходить по голубому ковру и вдыхать голубой воздух. Это будет прелестно...

— Конечно! — горячо откликнулся я и подвел под надстройку базис: — Ведь временно я могу поработать сверхурочно.

— Ты чудо! — воскликнула жена. И она так жарко обняла меня, что я понял: медлить нельзя. И стремглав бросился во двор спрашивать соседей: не надо ли им наколоть дров?

Через много месяцев заметно поголубевший от забот, но ликующий в душе, я внес в квартиру последнюю голубую вещь — вазу с голубыми цветами. Рай был укомплектован полностью. Целую неделю мы торжествовали победу и пели голубые песни. А в конце недели, придя с работы, я был встречен сияющей женой, стоящей посреди пустой квартиры. Рай исчез.

«Что?» — хотел было я спросить, но жена опередила меня:

— Долой голубой рай! Голубой цвет — это мещанство!

— Ты так думаешь? — засомневался я.

— Милый, времена меняются. Ты не в курсе дела. Сейчас в моде малогабаритная комбинированная мебель. Здесь, на пустом месте, я совью наше гнездышко из современной мебели. Комбинированная мебель — это стиль эпохи. Это что-то галактическое!

Я засмеялся смехом супруга с годичным стажем.

— А и правда! — сказал я.— Нельзя отставать от века.

И побежал искать сверхурочную работу.

Через два месяца я втащил в квартиру заключительную малогабаритную покупку — полированный ящик на трех ножках.

— Это что? — спросила жена.

— Новинка! Модерн! Чудо техники! Последнее достал!

Жена подошла к ящику, но традиционного ликования при виде новой покупки не последовало.

— Зачем нам это убожество, милый? — спросила жена.

— Ого! — сказал я.— Сейчас я тебе все покажу. Это ящик, но это и не ящик.

— А что же? — Жена подозрительно покосилась на меня.

— Это кровать! Днем можно сложить, на ночь — разложить.

— В наш век спать на кровати?

— Это не только кровать, но и кресло-качалка. Вот.— И я нажал на кнопку. Ящик развалился на части, а затем преобразился в кресло.

— Где ты видел, чтобы современный человек сидел в кресле?

— Не хочешь кресла — пожалуйста!—И я превратил ящик в письменный стол, затем поочередно — в холодильник, подвесную люстру, пылесос, транзисторный приемник, зеркальный шкаф и, наконец, в шариковую ручку, которую с победоносным видом засунул в карман.

— Милый,— сказала жена,— конечно, спасибо тебе за заботу, но спроси у соседей: с сегодняшнего дня это уже не модно.

— А что модно? — спросил я голосом бывалого супруга.

— Седая старина. Долой комбинированную мебель! Мы свою квартиру превратим в древний рай! Все должно быть естественным, грубым, природным.

Преобразование квартиры началось. Мы перевезли к родителям жены устаревшую комбинированную мебель и тщательно уничтожили следы цивилизации. Стулья были заменены синтетическими камнями, на стенах висели импортные коряги, а по углам рос натуральный нейлоновый мох. На все это ушло несколько месяцев сверхурочной работы.

Пошатываясь от усталости, я вошел в полумрак третичного периода.

— Э-ге-гей! — крикнул я, вглядываясь в глубь пещеры.— Есть кто?

— О-го-го! — закричал кто-то в ответ. Я присмотрелся и увидел у очага жену. Она сидела на камне, чуть прикрытая ягуаровой шкурой, живописно облокотясь на бивень мамонта, искусно сделанный из слоновой кости.

— Как охота? — спросила жена.

Сделав несколько диких па, я бросил к ее ногам связку норковых шкурок.

— Что слышно о моде? — Жена многообещающе поднялась с камня.

Я издал воинственный клич, подбежал к каменной глыбе и три лунных ночи выбивал на камне этот рассказ. Потом вкатил камень в редакцию. Дело не в славе, сами понимаете...

«СУПРУГ»







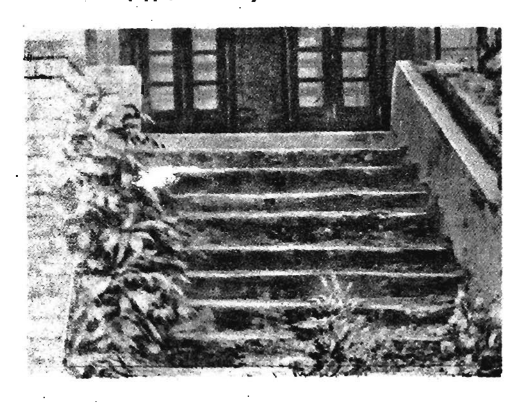






Эстетика с бурьяном

Шел я как-то по Елатьме, по центральной площади, и вижу:



Оказывается, это парадный подъезд детской музыкальной школы, на который не ступал еще ни один человек, хотя культурный очаг этот существует десять лет.

Поначалу подъезд не открывали по причине полной его ненадобности: есть черный ход, через него и ходи. Потом по причине провала сгнившего деревянного настила между дверьми и лестницей, заросшей бурьяном...

Директор музыкальной школы А. Н. Евстигнеев, очевидно, полагает, что бурьян и заколоченные парадные двери хорошо гармонируют с эстетическим воспитанием детворы.

В. БОРОНИН

пос. Елатьма, Рязанской обл.

Я ему про Фому...

Есть в Московской области Буньковская ткацкая фабрика. Вот уже четвертый год ждет она от Главмособлстроя решения проблемы отвода сточных вод, без чего, естественно, тормозится жилищное и коммунальное строительство рабочего поселка фабрики. Прямо так и пишут в главк фабричные руководители в своем письме за № 142 от 28 января с. г.: «...Просим Вашего содействия о включении в план 1971 года строительства **станции перекачки и напорного коллектора».**

И приходит на фабрику ответ:

«На № 142 от 28 января 1970 г.

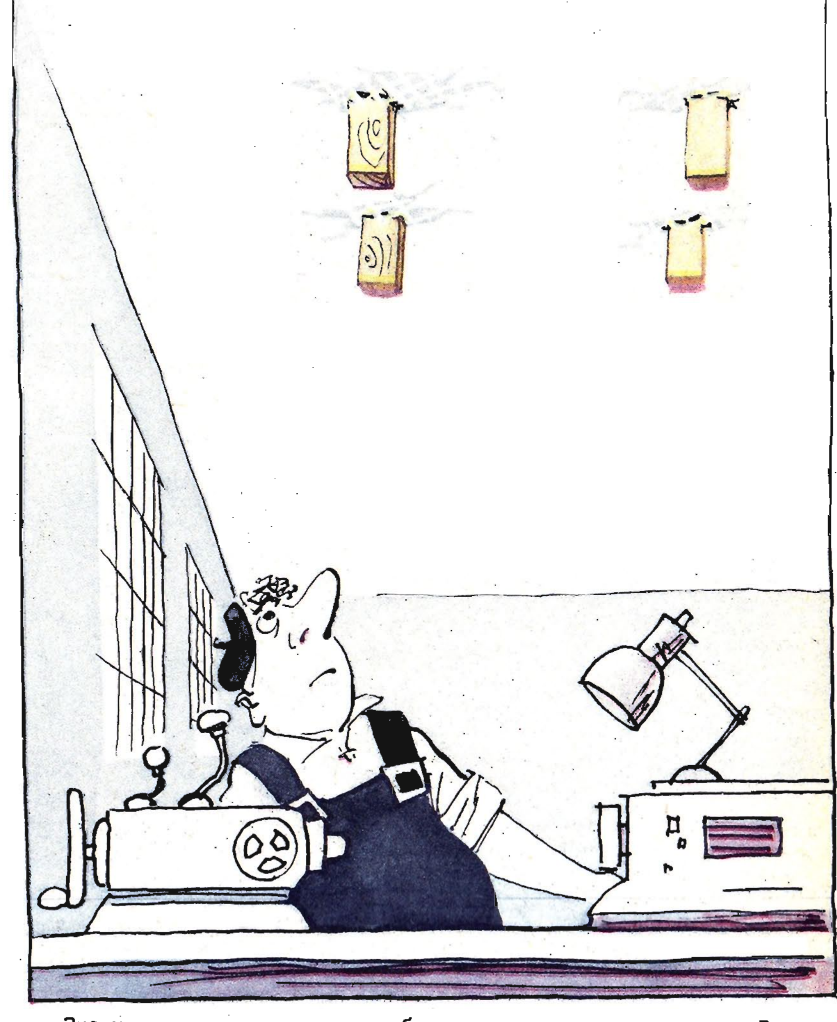
Возможность строительства **столовой** Буньковской ткацкой фабрики будет определена Главмособлстроем при рассмотрении протокола-заказа на 1971 год в целом по Министерству легкой промышленности РСФСР.

Заместитель начальника Главмособлстроя
А. Потанин».

Горько посмеялись на фабрике, развели руками и решили посоветоваться с Крокодилом: что делать?

Мы бы, конечно, могли, используя интересный опыт главка, ответить фабрике примерно так: «Уважаемые товарищи, переходите улицу в специально отведенных местах» — или что-нибудь в этом духе. Но все равно смешнее, чем у работников Главмособлстроя, не придумаешь.

Гр. КРОШИН



— Значит, мастер кого-то прорабатывает!

Рисунок А. ГРУНИНА

Если вас укусила змея,

не впадайте в отчаяние. Не расстраивайтесь, что вы не можете ее укусить в свою очередь. Природа не снабдила вас смертоносным ядом, но дала куда более совершенное оружие — разум.

Прислушайтесь к голосу разума — он подскажет, что если вас укусила змея, надо немедленно открыть том 2 «Зоологии для учителя» (издательство «Просвещение», 1970 г.) на 101-й странице. И тогда вы узнаете:

«В случае укуса гадюки нужно как можно туже перетянуть укушенный палец, руку или ногу (чтобы затруднить распространеиие яда по кровеносным сосудам), а ранку надрезать и промыть».

Выполнив рекомендации «Зоологии для учителя», вы можете перевести дух и со снисходительной гордостью поразмышлять о торжестве человеческого разума над злобными нападками гадюк.

Впрочем, для углубления противогадючной эрудиции можно взять еще одну книгу, «Жизнь животных» (издательство «Просвещение», 1969 г.), том 4, часть 2, страница 329. И тогда окажется, что **«приемы первой помощи, широко применяемые при укусах змей,— перетяжки, надрезы, прижигания, прием алкоголя — оказались при ближайшем изучении не только бесполезными, но и крайне вредными. Они резко ухудшают состояние укушенного, и, как выяснилось, иногда именно эти способы «лечения» служат причиной гибели, а не сам укус».**

Видите, как хорошо? Вопрос изучен всесторонне. С одной стороны — «как можно туже перетянуть», с другой — «служат причиной гибели»...

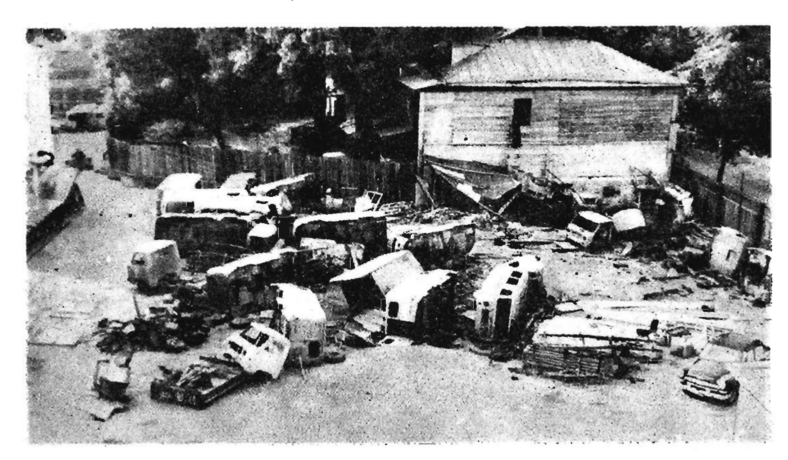
Итак, читайте «Зоологию для учителя» и «Жизнь животных»! В обеих книгах (в статьях о змеях) принимал участие профессор А. Г. Банников: в одной — в качестве автора, в другой — в качестве рецензента.

Так что если вас укусила змея, не отчаивайтесь! При всех вариантах — не ошибетесь!

А. МАТЛИН



СВОЙ, РОДНОЙ...



Снимок сделан с пятого этажа дома, у подножия которого расположена данная свалка.

Это Московский авторемонтный завод № 6 сваливает сюда всякий автомотохлам.

Нам, жильцам дома, свалка не нравится. Мы бы предложили заводу перенести ее под окна Управления авторемонтных заводов, благо оно находится тут же, рядом. Управлению такое украшение территории должно прийтись по сердцу: все же свой, родной мусор.

Л. Ч.

Мих. РАСКАТОВ

ЖДУ...

Мой привет вам,
Ольга Николавна!
Что за встреча!..
Жаль, что на ходу.
Может быть, зайдете!
Было б славно!
На недельке! Вот спасибо! Жду...

Ольга Николавна!! О создатель!
Вот уж месяц вас я не найду.
Может быть, зайдете!
Было б кстати!
На недельке! Вот спасибо! Жду...

Ольга Николавна, пропадаю!
Я без вас полгода...
Как в бреду...
Может быть, зайдете, дорогая!
На недельке! Вот спасибо! Жду...

Ольга Николавна, человека
Вы забыли на его беду...
Быть не может!..
Вы ушли из ЖЭКа!!
Так кого же я, простите, жду!..

Мой привет вам,
Ксана Алексанна!
Я к себе вас лично приведу.
Кровля протекает постоянно.
На недельке! Вот спасибо! Жду...



— А вот тут у нас свинарник...

Рисунок И. СЫЧЕВА



Нас выручает Робинзон

Мы оказались в затруднительном положении. Спрос на товары из нашей лавки растет, а удовлетворять его нечем. Что подефицитней — уже расхватали. Опять же фонды нам музейное управление урезало.

В общем, мы долго думали: что нам предпринять? Нельзя же открывать лавку, если полки пустые. И тут один начитанный фельетонист воскликнул:

— Я нашел! Есть такой человек, который может нам помочь. Он когда-то попал в явно безвыходное положение, был гол как сокол, не имел ни кола ни двора, но приоделся, обзавелся и двором и необходимым ширпотребом. Причем без помощи торгующих организаций и предприятий всяческой промышленности. Думаю, найдется у него мелочишка и для нашей лавки.

И вот он перед нами. Загорелый, широкоплечий, длинноволосый, под меховым зонтиком и в одеянии из козьих шкур. Да, вы угадали: это он, знаменитый Робинзон!

На плече его восседал попугай, который тут же издал горестный вопль:

— Робин, бедный Робин! Куда мы с тобой попали?

Наш гость успокоил своего пернатого друга и, выслушав нашу просьбу, заверил нас:

— Кое-что у меня для вас найдется, джентльмены... Эй, Пятница! Давай сюда те реликвии, что мы собирались сдать в музей!

К лавке подъехал на мотороллере с прицепом, доверху нагруженным всякой всячиной, смуглый спутник Робинзона.

Переводчик начал излагать Робинзону содержание писем наших читателей.

ПИСЬМО ПЕРВОЕ. Товарищ Хворостяненко из Ворошиловградской области жалуется, что у них уже давно нет в продаже ведер, кружек и чайников.

РОБИНЗОН КРУЗО. Сочувствую... Это письмо напомнило один из эпизодов моей островной жизни. Однажды захотелось мне горячего супу. Но сварить его было не в чем. И я решил своими руками вылепить горшок из глины. Вылепил, обжег и сварил прекрасный суп-рассольник. Таким же образом я обзавелся и другой необходимой посудой, чем избавил от всяких забот торгующие организации...

ПИСЬМО ВТОРОЕ. Наш читатель товарищ Донских сообщает, что в городе Душанбе невозможно достать зонт от дождя.

РОБИНЗОН КРУЗО. Леди и джентльмены! Вы видите мой зонтик! Я сделал его сам из козьих шкур. Сначала он был громоздок и неудобен, но я его усовершенствовал, и он стал закрываться. На первый случай я дарю его вам в качестве образца для серийного производства.

Переводчик. Чем вы можете помочь Борзинскому мясокомбинату, что в Читинской области? Он обращался в Мосторг, на завод имени Кирова в городе Павлово, Горьковской области, во Владивостокский хозторг, но нигде так и не смог раздобыть амбарные замки, которые ему крайне необходимы.

РОБИНЗОН КРУЗО. В свое время я построил на острове дом и благоустроил его. «Мой дом — моя крепость», — говорят англичане. Так вот, мой дом крепостью еще не был, так как ни дверь, ни калитка не запирались по причине отсутствия замков. В мою обитель мог забраться любой дикарь с соседнего острова. Что же сделал я? Густо обсадил двор тремя рядами колючих деревьев и кустарников, и дом стал поистине крепостью. Я сам в него с трудом попадал! Дорогой сэр Комбинат, это вполне доступно и для вас. Достаньте побольше колючек и обсадите ими свою территорию...

Переводчик. Мы вам очень обязаны, сэр. Разрешите прочитать еще несколько писем. Вот товарищи Тарсаков, Малькова и другие жители города Миасса, что на Южном Урале, пишут нам, что им приходится спать на собственных кулаках, потому что негде приобрести подушки.

РОБИНЗОН КРУЗО. И этому горю можно помочь. У берегов острова, куда меня выбросило волнами, стоял полузатонувший корабль. Я на плоту подплыл к кораблю, пошарил там как следует и нашел гамак, несколько тюфяков и подушек. Пусть ваши читатели сядут на берегу реки Миасс и ждут первого кораблекрушения. А как только бурей прибьет к берегу разбитый корабль, смело отправляются к нему на первом попавшемся плоту...

Переводчик. Осталось самое трудное письмо. Уж не знаю, как мы с ним справимся. Днепропетровский радиозавод выпускает транзисторные радиоприемники «Спорт-2»...

РОБИНЗОН. Да поможет мне бог! Что это такое — транз...

Переводчик. Это, знаете, такой ящичек, который передает музыку и человеческий разговор. Чтобы этот ящичек работал, нужны маленькие кругленькие штучки — батарейки «Элемент-316» и «Элемент-316-Т». Их хватает на восемь часов. И если элемент не сменить, через восемь часов ваш транзистор замолчит. В продаже этих элементов нет, а запасных к ящичку не дают.

РОБИНЗОН (вытирая пот со лба). Уфф! Это очень сложно, дорогой сэр. Я не совсем понимаю, зачем нужен такой ящичек. В свое время я прекрасно обходился без него... Но, кажется, я нашел выход... Живя на острове, я очень скучал по человеческой речи. Перекинуться словом-другим с приятным собеседником за горшочком вина — это, конечно, было бы весьма приятно. И я завел себе говорящего друга. Вот он сидит у меня на плече. Неужели это милое существо хуже, чем какой-то элемент с номером? Не хотите ли для своей лавки попугаев? Каких вам? Какаду? Ара? Кстати, попугаев можно обучить и пению.

ПОПУГАЙ С ПЛЕЧА РОБИНЗОНА. Не хочу, Робин! Не буду петь! Не желаю быть повешенным на чью-то шею!

РОБИНЗОН. Леди и джентльмены, извините, мой друг устал. Я тоже... Выгружайте товары из мотороллера, а нам пора. До следующей встречи!

Беседу с Робинзоном, Пятницей и попугаем застенографировала

Е. ЦУГУЛИЕВА

Б. ФИНИАСОВ

ПРИБЫЛЬНЫЙ УТЮГ

По служебным делам я прожил в гостинице «Казахстан», естественно, в Алма-Ате, несколько дней. За час до отлета пришел рассчитываться за номер.

— С вас еще пятачок,— сказала сотрудница гостиницы, выписывая квитанцию.

— За что? — полюбопытствовал я, роясь в карманах.

— За утюг.

— Простите, какой утюг?

— Которым вы могли бы погладить свои брюки.

Я понял, что еще дешево отделался. Чего доброго, с меня взыскали бы за вино, которое я мог бы выпить, и за барана, которого мог бы съесть, и еще за очень многие блага, которыми мог бы воспользоваться.

На этаже проживают 90 человек. Девяносто пятачков — это четыре с полтиной. Примерно столько же стоит новый утюг. Допустим, что вдруг с одного из этажей съезжают все клиенты. Это значит, что гостиница каждый день может приобретать по новому утюгу. Итого в месяц 30 утюгов, а следовательно, 365 в год. Вероятно, этими утюгами можно бы разгладить складки островерхих гор Заилийского Алатау, видных из окна гостиницы. А если учесть другие этажи?..

Но пятачок — примитив. В ташкентской гостинице «Ташкент» размах куда шире. В 1968 году эта гостиница была убыточной. Убыток измерялся тысячью рублей. Зато в прошлом году гостиница дала 48 тысяч рублей прибыли. Число коек в гостинице оставалось тем же. Число работников — то же. А из финансовой пропасти гостиница вдруг взлетела в финансовую высь.

Все расчеты начинаются с 12 часов дня. А я неосмотрительно приехал в одиннадцать.

— Платите за целые сутки,— потребовала администраторша.

И я заплатил за час, как за 24 часа. И еще сказал спасибо. Кто же торгуется с администратором в обмен на предложенное место?

Вторая оплошность была совершена, когда пришлось уезжать из гостиницы. Я сказал «до свидания» в час дня. И за то, что засиделся в гостях лишний час, пришлось снова платить, как за лишние сутки.

Инспектор управления коммунальных предприятий Ташкентского горисполкома тов. Талова изумилась: «Вам, наверное, показалось, такого не может быть»,— и тут же стала звонить администраторам гостиницы «Ташкент», экзаменуя их по телефону, сколько в сутках часов. Одни уверенно называли цифру 35, другие — 39, но почему-то никто не назвал старомодную — 24.

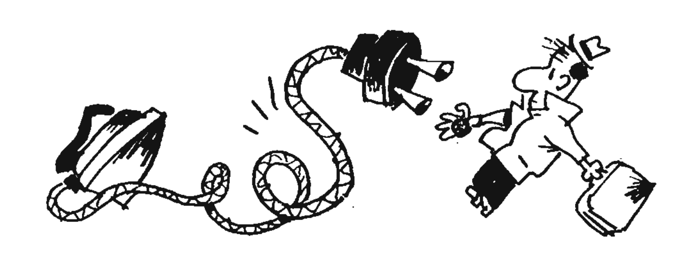
Затем тов. Талова показала приказ министра коммунального хозяйства Узбекской ССР С. Зиямова. «По примеру города Москвы,— говорилось в этом приказе,— в гостиницах ввести единый расчетный час».

Гм, коротко, но туманно. Я бы предпочел более длинный текст, но зато более понятный. Такой, например, какой висит в вестибюлях московских гостиниц: «Граждане, прибывшие в гостиницу до расчетного часа (с 0 до 12 часов), не оплачивают стоимость номера или места до наступления расчетного часа. В день выезда жильца после расчетного часа (с 12 до 24 часов) плата за номер или место взимается за половину суток».

Администраторы принялись убеждать, что эти деньги они берут не себе, а в пользу родного коммунхоза.

Это было вроде бы резонно. И все-таки почему-то казалось, что не так-то уж бескорыстны и сами люди, обманывающие клиентов якобы от имени учреждения. Ведь чем больше прибыль, тем больше премии, получаемые работниками гостиницы. Они получают их даже тогда, когда номера пустуют. Так, в декабре прошлого года в гостинице «Ташкент» простояли пустыми 800 «койко-суток». А прибыль шла. И премии тоже.

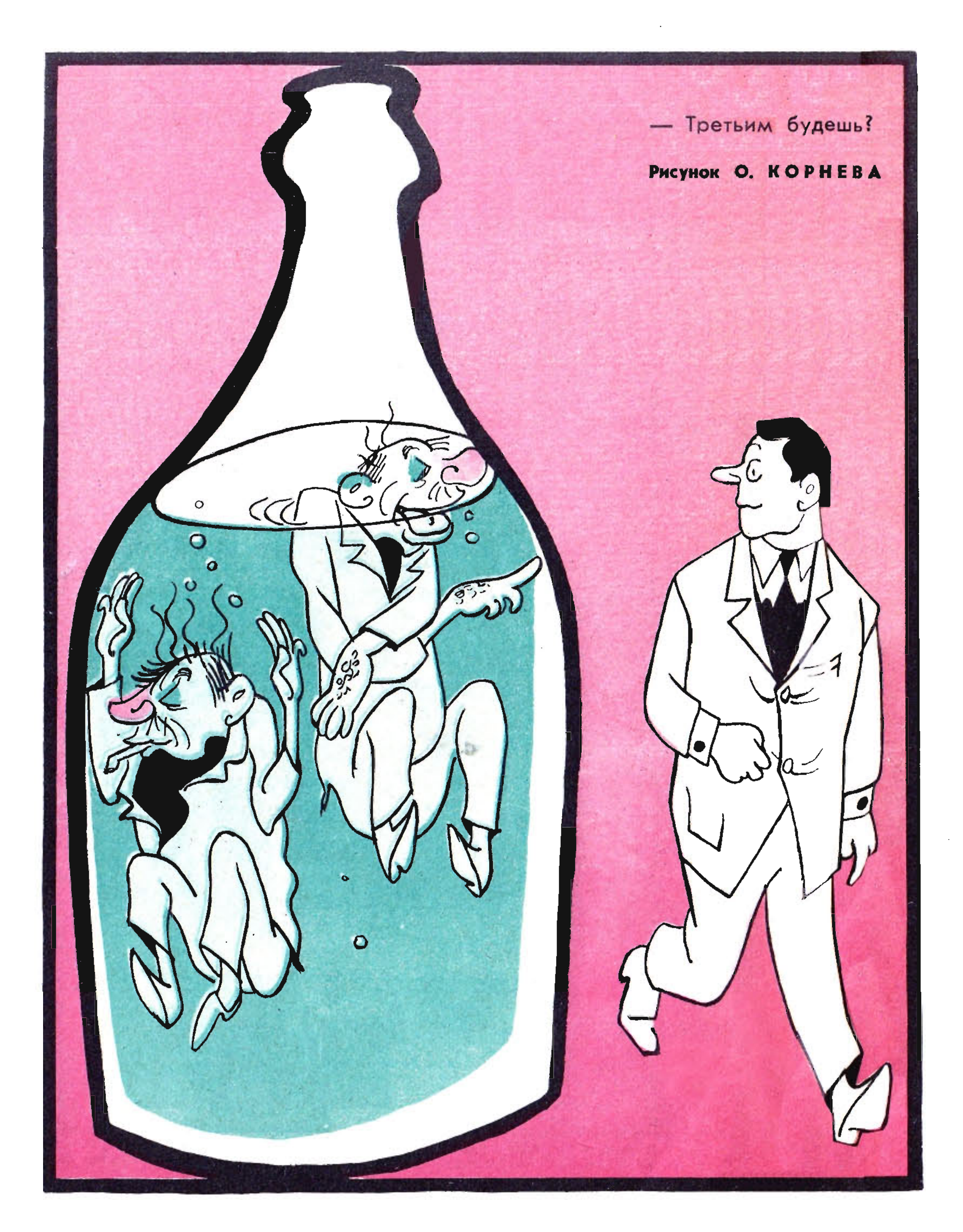
Конечно же, во всем нужна прибыльность. Но все-таки хотелось бы прежде всего, чтобы прибыльность возникала честными путями. Хотелось бы, чтобы с людей не взыскивали за время, которое они не жили в гостинице, и за утюг, которым они даже не собирались воспользоваться.





— Наконец-то наступил купальный сезон!

Рисунок Г. ИОРША



— Третьим будешь?

Рисунок О. КОРНЕВА

Тенгиз ПИРВЕЛИ

КАК Я ПРОДАВАЛ ТРАВКУ



В газете я прочел фельетон, в котором прорабатывали моего соседа Гоги Цецхладзе. Я был возмущен до глубины души. Подумать только, вот уже восемь лет я соседствую с бессовестным мошенником и пройдохой и ничего не подозреваю! Оказывается, этот Цецхладзе торговал на базаре зеленью. Но это полбеды. Вялую, полузасохшую зелень, перекупленную у какого-нибудь незадачливого сельчанина за пятьдесят копеек, он продавал на базаре по четыре рубля, предварительно обрызгав ее освежающей натахтарской водой! Во мне возмутились все запасы гражданской совести. Я решил не дожидаться, пока общественность проучит таких рвачей, и решил сам принять срочные меры.

Распростившись с парикмахерской, в которой работал, я отправился в деревню. Здесь, на небольшом приусадебном участке своих родителей, я развел образцовый огород и уже через три месяца, нагруженный огромными мешками с зеленью, вернулся домой.

Не без труда раздобыв себе местечко на прилавке крытого колхозного рынка, я аккуратно разложил благоухающую утренней свежестью зелень, прокашлялся и зычным голосом закричал:

— Лучшее украшение стола — прославленные во всем мире петрушка, киндза, мята, рехан, цицмата, охрахуши!.. Подходите, покупайте четырехрублевую зелень за пятьдесят копеек!

Но покупатели только недоверчиво косились в мою сторону, а мои рыночные конкуренты снисходительно улыбались. Наконец какая-то пожилая женщина, сжалившись, протянула мне рубль и попросила отвесить зелени на пятьдесят копеек.

Я быстро отсчитал сдачу и на глазах ошеломленных соседей протянул ей огромный пучок. В ту же минуту огромная очередь выстроилась у моего прилавка. Все наперебой протягивали мне деньги, и каждый требовал не меньше двух, а то и трех килограммов травки. Я едва успевал обслуживать моих покупателей. В толпе началась дискуссия, не ларек ли это Плодовощторга, но чей-то трезвый голос сказал:

— Где это видано, чтобы Плодовощторг торговал такой свежей зеленью? Да и продавец чересчур приветливый...

В этот день я выполнил задуманное мщение и сорвал торговлю многим зеленщикам. Они с нескрываемой злобой косились в мою сторону. Впрочем, те, кто был поумнее, свернули торговлю и торопливо перебрались на другой рынок.

И вдруг перед моим прилавком выросла мощная фигура милиционера.

— Где украл? — сурово спросил он.

— Нигде,— кротко отвечал я.— Сам посадил, сам вырастил, сам собрал.

— А справка?

— Какая справка?

— Необходимая. Ах, нет? Пройдемте.

В милиции от меня потребовали чистосердечно признаться, где и у кого украл я вышеуказанную зелень.

— Но почему вы решили, что я вор? — недоумевая, спросил я.

— Да это видно сразу,— пояснил милиционер.— По дешевке хотели сбыть чужой товар. Э, нас не проведешь... И, учтите, ваше запирательство не приведет к добру и только усугубит наказание.

Однако, когда через три дня из деревни пришло письмо относительно происхождения моей зелени, милиционер передо мной извинился и тут же отправил на обследование в психиатрическую больницу.

— Раз вы не вор, значит, идиот,— вежливо пояснил он на прощание.

В больнице для начала меня попросили прочесть «Бородино» Лермонтова. Я прочел две строфы, чем удивил экзаменаторов, потом мне предложили две сложнейшие математические задачи, которые я решил с блеском. Члены комиссии пришли в восторг.

— Вы, наверное, физико-математический окончили,— уверенно сказали врачи.— Да, да, понимаем, торговля зеленью дает больше дохода, и потому вы оставили основную специальность... Непонятно только, почему вы продаете траву за бесценок...

— Я торгую зеленью из воспитательных побуждений,— сердито пояснил я.— Не знаю, как вы, а я не могу смотреть, как спекулянты дерут шкуру с честных людей...

— Это верно, сынок, это правильно. Но скажи, милый, почем ты будешь продавать кило зелени, если мы тебя отсюда выпустим?

— По пятьдесят копеек! — гордо ответил я.

В ту же минуту чьи-то руки подхватили меня, и я очутился в палате. Целый месяц меня лечили всякими порошками, а когда я пытался сказать, что совершенно нормален, давали особенно горькие пилюли.

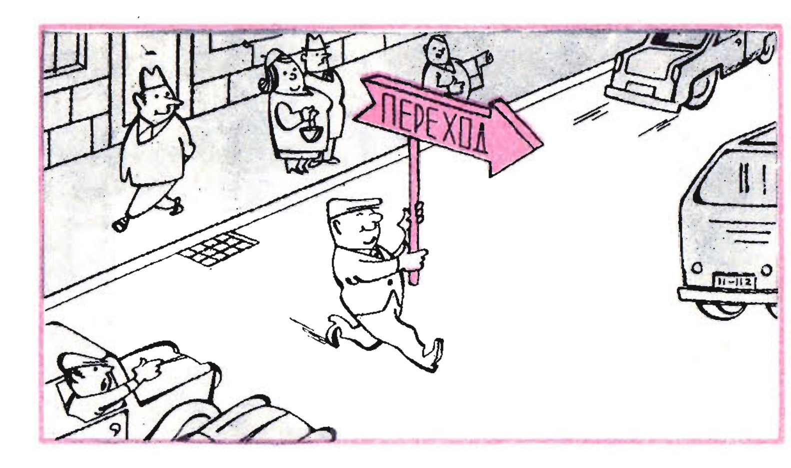
В один прекрасный день лечащий врач спросил с подкупающей теплотой, почем теперь я буду продавать кило зелени.

— По четыре рубля! — догадливо ответил я и тотчас очутился на улице.

Первым, кто встретил меня у родного дома, был Гоги Цецхладзе. Он почему-то посмотрел на меня с торжеством.

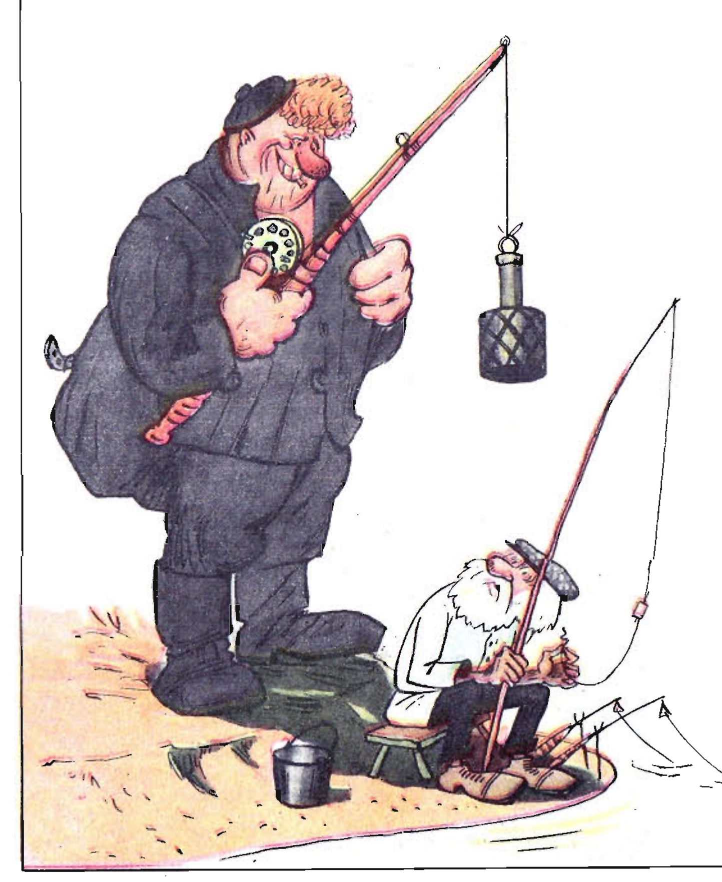
Перевод с грузинского.

г. Тбилиси.



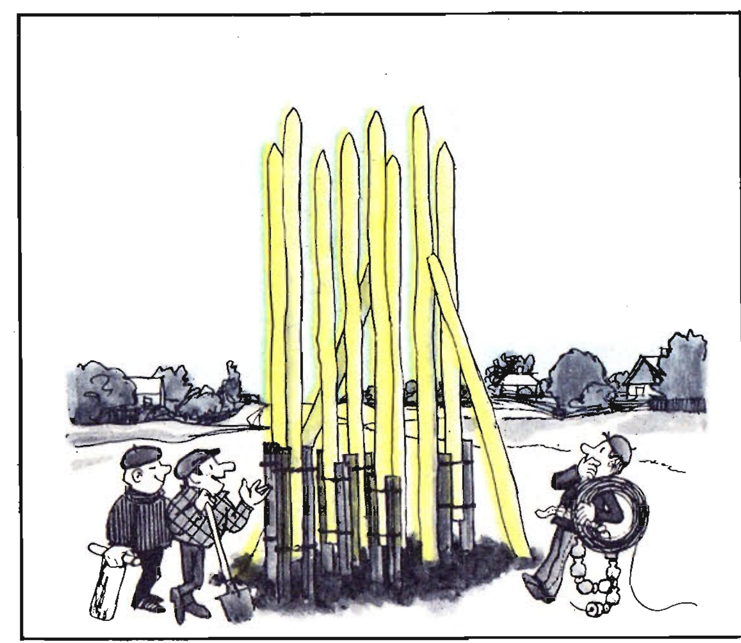
Переход на самообслуживание.

Рисунок М. ВАЙСБОРДА



— Ну где тут у вас, папаша, шереспёры водятся?

Рисунок В. КОРШКОВА



— Зато мы сделали работу в рекордно короткий срок!

Рисунок Н. КАПУСТЫ



Готовят петлю.

Рисунок Л. САМОЙЛОВА

НЕ ДО СМЕХА

Профессор Бир читает в университете Монтана лекции по литературе. Бир — специалист по американскому юмору. Но, оказывается, в последнее время ему не до смеха.

«Настоящий, здоровый юмор едва ли еще существует. Мы находимся в когтях мрачного псевдоюмора, полного скептицизма, жестокости и унижения»,— пишет профессор Бир. В качестве примера он приводит новейший американский анекдот.

Белый автомобилист задавил двух негров. Следователь успокоил водителя:

— Это мы уладим в два счета. Первого негра, который, пробив ветровое стекло, влетел в вашу машину, мы обвиним в злонамеренном вторжении в чужое владение. А второго, который упал под откос, обвиним в том, что он хотел сбежать с места преступления.

Поскольку среднему американцу в самом деле не до смеха, некто Сэмми Кэй, президент «Рэнд Мэнюфэкчюринг компани», выбросил на рынок консервированный смех. Точнее, маленькие пластинки с записанным на них смехом.

Пластинки со смехом стали распродаваться с молниеносной быстротой. Оказалось, что больное общество, разучившееся смеяться, остро нуждается в законсервированном на пластинке пятидолларовом смехе длительностью хотя бы в тридцать секунд. «Рэнд Мэнюфэкчюринг компани» уже сообщила о продаже одного миллиона пластинок искусственного смеха.

Так и представляешь себе, как американцы, приходя в гости, молча и сосредоточенно слушают, как за них смеется маленькая черная пластинка... «Хорошо сегодня посмеялись»,— говорят они, благодаря хозяев за развлечение.

Впрочем, один человек, может быть, и смеется старомодным, натуральным смехом. Это сам мистер Кэй — продавец смеха.

Почему же все-таки им не весело? Почему?

На этот вопрос отвечает (вернее, пытается ответить) Селвин Мэддокс в журнале «Тайм». Его исследование так и называется: НАМ НЕ ВЕСЕЛО, И ВОТ ПОЧЕМУ.

«Врач и комик Джонатан Миллер однажды собрал воедино оба своих профессиональных дара, чтобы описать симптомы редкой болезни — катаплексии,— пишет С. Мэддокс. Жертвы катаплексии физически не способны смеяться, даже если им отчаянно хочется это сделать. Как только они уже готовы рассмеяться,— объясняет Миллер,— их охватывает общий паралич, и они беспомощно опускаются на пол. Паралич отпускает жертву, только когда проходят позывы к смеху.

В настоящее время эта тишина, в которой не слышно смеха, просто оглушает.

Ранние 60-е годы кажутся нам уже совсем другим миром. Где-то по дороге перемен театр абсурда трансформировался в театр жестокости.

Где былые остряки? Мертвы, молчаливы или чертовски уравновешенны. Весельчаки превратились в угрюмых фаталистов. Кто же пришел им на смену? Нет людей 1970-х годов, достойных сравнения.

Наряду с другими прочими кризисами у нас теперь существует еще один кризис — кризис юмора. Мы не смеемся. Никто — ни молодежь, ни старики, ни люди среднего возраста... Человека в мешковатых штанах, поскальзывающегося на банановой кожуре, заменил солдат, спотыкающийся на минных полях Вьетнама. «Кто может смеяться в такое время?» — вопрошают низы, верхи и средние классы единым хором. Возможно, диагноз нашей катаплексии заключается в том, что американская история породила новый вид беспокойства, не успев еще изобрести новый вид юмора для его облегчения?»

ОТКУДА БЕРУТСЯ ТЕМЫ

Прошел недавно слух, будто бы Мелитополь (СССР) и Дюссельдорф (ФРГ) заключили соглашение. Говорят, Мелитополь взялся поставлять семена моркови сорта «каротель», а Дюссельдорф в обмен — пиво светлое «Кайзер». По этому поводу не замедлили высказаться кое-какие западногерманские политические деятели.

Ф. Йозеф. Морковь уже по одному ее цвету является орудием советской политической экспансии. Пользуясь своей морковью как ключом, они откроют ящик Пандоры, из которого на ФРГ хлынут всяческие напасти.

Фон Адольф. Я позволю себе задать вопрос: какова конституционная основа ввоза красной каротели и вывоза нашего пива? Я тщательно изучил нашу конституцию и не обнаружил в ней ни единого упоминания о моркови или пиве. В ней нет даже ни одного рецепта приготовления тушеной моркови. На этом основании мы можем смело утверждать, что предлагаемая сделка антиконституционна.

Герр Курт. Гегемония всегда начинается с малого. Вот почему я задаю себе вопрос: не последуют ли за морковью другие овощи, может быть, даже красные помидоры, которые со временем приведут к установлению полного господства Советов в нашей стране? Где грань между каротелью и политическим господством? Кто поручится, что за каротелью не последует петрушка, от которой уже один шаг до кулинарной, экономической и политической гегемонии Советов?

* * *

Прошел недавно слух, что филателисты Кинешмы и Ганновера решили организовать совместную выставку. Говорят, на выставке будут представлены редкие почтовые марки.

Ф. Йозеф. Я категорически против такой выставки. Ганновер проявил вопиющую политическую слепоту. У советских марок особо прилипчивый клей. Они облепят нас с головы до ног, и мы невольно станем носителями красной идеологии. Кроме того, у русских марок более острые зубцы, чем у наших. Они нас загрызут.

Фон Адольф. Как наивны наши филателисты! Поместив свои марки в одном выставочном зале рядом с русскими марками, они тем самым наносят ущерб германским интересам. Истинно немецкий филателист должен был потребовать в качестве платы за участие в выставке превращения ГДР в нашу провинцию на востоке.

Герр Курт. Наша партия в принципе ничего не имеет против участия ФРГ в совместной филателистической выставке с Советами. Однако, учитывая ценность наших экспонатов, мы требуем оснастить бундесвер атомным оружием для охраны наших почтовых марок.

* * *

Нас, фельетонистов, иногда спрашивают: откуда мы берем темы для фельетонов? Объясним на конкретном примере.

Договор между СССР и ФРГ приветствуют все нормальные миролюбивые люди. Казалось бы, каждому ясно, что этот абсолютно равноправный и взаимовыгодный договор способствует упрочению мира и безопасности в Европе. Однако господа Штраус, Тадден и Кизингер заходятся в истерике.

Франц Йозеф Штраус. Для Советского Союза этот договор является орудием политического диктата. Этот договор — первый ключ, которым будет открыт ящик Пандоры — ящик, приносящий всяческие бедствия.

Адольф фон Тадден. НДП считает, что договор противоречит конституции.

Курт Кизингер. Договор прокладывает путь для установления русской гегемонии в Западной Европе.

Теперь, надеемся, вам ясно, дорогой читатель, откуда мы черпаем темы для наших фельетонов? Из жизни, только из нее.

З. МАРЬЕВ

ШОЛОМ АЛЕЙХЕМ

БЛАГОСЛОВЕННАЯ СТРАНА

(Письмо Менахем-Мендла из Америки)

Сэр Шолом Алейхем!

Олрайт! И не обижайтесь, что я пишу вам второпях — Америка не Егупец. Тут ни у кого нет времени. «Тейм ис моне»,— говорят американцы. Это значит: золотой за минуту! Все тут заняты, и только собою, нет времени взглянуть на ближнего. Даже если ты растянешься поперек улицы, никто не обратит на тебя внимания. «Хелф-юр-зелф»,— говорят американцы. Это значит: «Каждый за себя!» Хоть из кожи лезь вон, рой носом землю, подрывай свое здоровье, ходи головой вниз, ногами кверху,— кому какое дело? Благословенная страна! Работают здесь до одури, остаются без сил, и все ради «мек а левенг». Это значит: «Делать жизнь». Все «делают жизнь», и я в том числе.

Вы, вероятно, спросите: что значит «делать жизнь»? Так надо вам рассказать подробно, от начала до конца, что со мной произошло, и тогда вы поймете, что такое благословенная страна Америка.

Первое время, когда я сюда приехал, я был, понятно, «зеленым», не знал, в какие двери сунуться, не понимал ни слова на местном языке. Вначале кажется, что они не говорят, а плюются и валяют дурака, балабочут языком и бегают, как сумасшедшие, туда и сюда, будто их кто-то гонит в шею. Я поначалу ходил по шумным улицам, где все кипит, как в аду, и, задрав голову, глядел на высоченные дома, на людей, на весь этот тарарам. Но долго так расхаживать мне не пришлось. Из-за тесноты на улицах и всеобщей спешки меня все время угощали тумаками в бок или поддавали сзади, говоря при этом: «Гэе дэ дэвл!» Это значит: катись ко всем чертям!

Из-за такого обращения мне стало как-то не по себе. Я почувствовал себя здесь чужим и лишним, вроде собачонки, которая путается под ногами, и каждый, кому не лень, пинает ее ногой, приговаривая «пшел вон», и шагает своей дорогой.

И была еще одна причина, которая заставила меня сразу же подумать о работе: я почувствовал сильную сердечную слабость, да и желудок стал требовать пищи, а в кармане, поверите ли, ни цента!

Вообще-то я в тот день вышел на улицу, имея при себе несколько монет, но они очень быстро разошлись, растаяли, как снег на солнце.

Короче говоря, иду я себе и иду, а уже начало темнеть. И вижу я, что полисмен, то есть городовой, глядит на меня подозрительно. Он мне ничего не говорит, но смотрит как-то странно. А я терпеть не могу, когда на меня смотрят полисмены...

И вот я иду и замечаю бедолагу-еврея. Он шагает, согнувшись в три погибели, несет на плече большой чемодан и топает изо всех сил.

Поняв, что он из наших, я подхожу к нему и завожу разговор. Спрашиваю: где тут поблизости еврейская улица, еврейский базар, еврейская молельня? Где тут наши земляки, простые евреи, с которыми можно поговорить?

Он мне не ответил, только махнул головой, как бы говоря: шагайте за мною! И мы пошли вдвоем. Мы шли и шли, как по бескрайнему дремучему лесу. И с большим трудом мне удалось вытянуть из него несколько считанных слов.

Я узнал, что он тоже «зеленый», не так давно прибыл сюда из наших мест. И он рассказал мне, что в первое время так намучился в этой благословенной стране, что и не передать, пока наконец бог не помог ему и он «кечнул плац». Это значит — получил место в прачечной. И сейчас он «мек а левенг», то есть «делает жизнь». Можете понять, что это за «мек» и что это за «левенг». Но это лучше, чем ничего. Его работа — считать и сортировать грязное белье на фабрике: отдельно мужские сорочки, отдельно дамские сорочки, а также, прошу прощения, подштанники, чулки, носки, носок к носку. Все это, говорит он, надо рассортировать до стирки и делать метки, чтобы не перепутали белье. Очень грязная работа, говорит он, и нудная, тем более что он к такой не привык. У себя на родине он не был, упаси боже, ремесленником, говорит он. Когда-то он был хозяином, со своим домом и большой родней. И дети у него, говорит он, там, на родине, хорошие, очень достойные дети. И если бы они, дети, говорит он, знали, чем занимается их отец...

Так он мне рассказывает и рукавом смахивает с лица пот, а заодно и непрошеную слезу...

Ну, что ж, говорит он, все это было бы с полбеды. Что поделаешь! Надо, говорит он, «мэк моне», то есть делать деньги. Но, к несчастью, говорит он, у них сейчас на фабрике «стрейк». Это значит, что все рабочие сговорились и не хотят работать, если им не прибавят, как они требуют. И пока, говорит он, я остался без дела, но зато мы своего добьемся!

Так с гордостью сказал мне этот бедолага, покачал головой и добавил: «Гусуд бай!» (это значит: «Будьте здоровы!»),— свернул в какой-то двор и исчез. Был человек — и нет человека.

Этот еврей исчез, но зато на его месте выросло много других мужчин и женщин, и все вроде бы из наших мест, ну, почти что такие же, как у нас в Егупце и Мазеповке. И на улицах почти что так, как у нас, и язык и проклятия — все, как у нас! И я буквально ожил, как рыба, которую снова бросили в воду. Так я обрадовался, что и не передать. И они мне очень обрадовались, окружили меня со всех сторон и давай здороваться! «Откуда вы родом? Что слышно там, в «Рашен» (это значит в России)? Как поживают наши «джуис» (то есть евреи)? И кто вы такой?»

Узнав, что я приехал из Егупца, а родом из Мазеповки, они страшно обрадовались, просто возликовали! А как же, ведь у них и раввин из Мазеповки, и резник из Мазеповки, и кантор из Мазеповки...

Понятно, что мне очень захотелось повидаться с раввином, с резником и с кантором из моего родного местечка, и я попросил, чтобы мне показали, где они живут. И представьте себе, что и раввин, и резник, и кантор, все трое,— это один человек — наш Берл-Довид, Мойшев сын, который имеет такое же отношение к должности раввина, резника и кантора, как я к должности президента. Ведь у нас в местечке он был всего-навсего из тех, которые... Ну, как бы выразиться? В общем, он торговал из-под полы черт знает чем, влип, как кур в ощип, на него завели дело, а он ноги в руки и удрал в Америку!

Я стоял, смотрел и диву давался на нашего Берла-Довида, который тут и раввин, и резник, и кантор одновременно. Вот что значит благословенная страна Америка!

Приметив, должно быть, что я на него как-то странно гляжу, этот раввин-резник-кантор отозвал меня в сторонку и говорит:

— Послушай-ка, Менахем-Мендл, будь человеком! Ты меня понял?

И я сообразил, что надо держать язык за зубами, а он меня пригласил к себе на «сопертейм» (это значит «на ужин»). И только тогда он мне выложил всю свою биографию, рассказал, как он вначале бедствовал в этой благословенной стране, работал, как каторжник, бросался с одного дела на другое, пока бог не надоумил его отрастить пейсы, напялить на себя длинный лапсердак с кушаком, подойти к амвону и запеть... Так он, в добрый час, стал у них кантором.

И так как я очень спешу поскорее отправить это первое мое письмецо из Америки, то я сокращаюсь. С божьей помощью немного погодя я напишу вам обо всем подробно. А пока что надо бежать на работу, делать «бизнес» (по-нашему, дело), так как у меня еще нет денег на «рент», то есть чтобы уплатить квартирную плату за эту неделю. Но бог, отец наш небесный, наверное, поможет, и тогда, с божьей помощью, будет олрайт!

От меня, вашего лучшего друга

МЕНЕЧМЕНД,
бывший МЕНАХЕМ-МЕНДЛ.

Нотабене, то есть о главном и позабыл. Вы не удивляйтесь, сэр Шолом Алейхем, что я поменял имя, и из Менахем-Мендла стал Менечмендом. Что я могу поделать, если так меня здесь зовут? У всех тут другие имена. Ну что тут с ними поделаешь!

* «Время—деньги» (искаженный английский). Все «переводы» Менахем-Мендла далеки от точности. Этот прием использован автором и в дальнейшем.

1904 год. На русском языке публикуется впервые.

Сокращенный перевод с еврейского А. БЕЛОВА

Дьёрдь МИКЕШ

ТО ЖЕ, НО ЛУЧШЕ

Я дважды смотрел одну пьесу.

Сначала в театре, потом дома, по телевидению.

В театре, говоря откровенно, пьеса мне не понравилась. Весьма не понравилась. А вот по телевизору было не так уж плохо.

Это заставило меня задуматься: что тому причиной? В спектакле ничего не изменилось — те же актеры произносили тот же текст на сцене того же театра.

Так в чем же тут дело?

Потом я догадался.

Да, та же самая пьеса, но когда ее смотришь дома, сидя в кресле, развалившись и покуривая, думая о Ковачах, которые отдали за два театральных билета шестьдесят форинтов, не так уж это плохо...

Та же самая пьеса, но когда дома сидишь в кресле, покуриваешь после хорошего ужина с мыслью о Ковачах, которые отдали за билеты шестьдесят форинтов и вдобавок, возвращаясь домой, промокли под дождем до нитки,— ах, это — блаженство!..

Та же пьеса дома, когда можно встать с кресла, погулять по квартире, потягиваясь до хруста в костях, почесываясь,— эх, хорошо!

Та же пьеса дома — посидел в кресле, развалившись, покурил после хорошего ужина, побродил по квартире, потянулся до хруста в костях, почесался, потешился мыслью о Ковачах и о том, что телевизор в любой момент можно выключить,— прелесть!

Та же самая пьеса, но когда ты дома, в пижаме, в кровати, с думочкой под головой, с хорошей книгой, с мыслью о милой Манцике,— упоение!

Та же пьеса дома, когда ты подремываешь в постельке, закрывшись до подбородка,— шедевр!

А если дремлешь, укрывшись с головой,— классика!

И та же самая пьеса, когда она идет, а ты сладко спишь,— о, в этом уже есть нечто шекспировское!..

Перевела с венгерского Е. ТУМАРКИНА

Р. КИРЕЕВ, специальный корреспондент Крокодила

...В НАБЕЖАВШУЮ ВОЛНУ

Время было знаменательное. Карикатуристы резвились. Вытаскивали на свет божий студента сельвуза и публично отшлепывали его за несвязь с жизнью. На студенте красовались желтые штаны в клетку. С интересом взирал он из-под кока волос на племенного быка Дмитрия. Студент относил его, как явствовало из подписи под рисунком, к слабому полу.

Тема была животрепещущей. Кампания по взаимному сближению студента с жизнью бурлила в апогее. Областной центр Иркутск срочно затребовал директора совхоза «Оёкский» Баширина. Обратно Иван Степанович прибыл сияющий.

— Совхоз становится учхозом,— объявил он, собрав актив, и швырнул на стол охапку перспектив.— Отныне мы приданы сельхозинституту, дабы студент осуществлял через нас связь с жизнью. Хозяйство задумано как учебно-показательное. Учебное хозяйство!— с нажимом произнес директор.— Передовая техника, материальная база, широкое строительство. Да сгинут магазеи, товарищи!

«Магазеи», нужно сказать, олицетворяли эпоху минувшую. Древние зернохранилища, вот уже столетия высились они посреди села, и зерно засыпалось в них способом «вплечевую». Значительным диссонансом это не выглядело, ибо поодаль просвечивали крыши еще довоенных коровников, а в механической мастерской предынфарктно тарахтели полусписанные станки. На чем же обучать студента, задается вопрос, и ответ звучит жизнеутверждающе, как фанфары. Разве не прогресс должен нести на село выпускник вуза? А стало быть, нате вам, коли вы учхоз, современные зернохранилища, механизированные фермы и все хорошее. Так рассуждал директор учхоза Баширин.

А тем временем в Иркутском сельхозинституте тоже гремело торжество и тоже было тесно от перспектив. Сгинуло время плакатов и схем, живая жизнь стояла у порога — с запахом парного молока и мычанием парнокопытных. В поле, а не на кадушке из-под фикуса будет осваивать отныне студент тонкости земледелия.

— Студенческую ферму создадим! — ликовала кафедра разведения животных.— Герефордов завезем! Чистокровных! Натуральных! Из Канады!

Плакаты с бледным изображением мясистой герефордской породы сунули под шкаф за ненадобностью. Волна сближения обучения с жизнью победоносно катилась вокруг. С гребня этой волны склоны канадских Кордильер казались не такими уж далекими. По склонам бродили, славясь убойным весом и диеткачествами, задумчивые герефорды. Двое из них — юные и многообещающие — отправились через океан в сторону священного Байкала. Здесь их встретили учтиво, как подобает встречать иностранцев. И уже через два года потомство герефордов из Канады показательно разгуливало по пастбищам Оёкского учхоза.

Кафедру поздравляли. Соседние хозяйства запрашивали молодняк. Студент, ранее покорно внимавший лекциям, теперь самолично изучал натуру, а после дискутировал с преподавателем по разным деликатным вопросам.

Аспиранты в поисках темы больше не зарывались в учебники. Вот тебе действительность, осмотрись и засучивай рукава: темы так и прут из всех щелей. Аспирантские опыты пощипывали хозяйство финансово, но директор Баширин не жмотничал.

— Наука! — произносил он с уважением и поднимал палец.

В светлых студенческих головах наперебой зрели идеи. С воплощением не тянули. На одной из ферм устанавливали современный молокопровод «Даугава-200». Рядом мудрили над гальваническим отделением, походя расписывая учхозовскому руководству чудеса гальваники.



— Сами будем детали восстанавливать. Как в сказке. Достаньте только ванны и выпрямители.

— Попробуем,— высказывалось руководство, но прежний энтузиазм уже не звучал в голосе.

Энтузиазм поостудила реальность. Пятый год возводили новое зернохранилище. Запчастями обделяли. Транспорта не хватало. Директор барабанил в инстанции, но там загнанно отвечали: «Минуточку!» Знаменитая некогда формула «Сомкнем обучение с жизнью, товарищи» утратила популярность. До нее ли, когда волны очередных кампаний захлестывали с головой!

Насекомые энергично обживали пустующие стеклянные трубы «Даугавы-200». Дотошного студента, что еще приходил на ферму пощупать молокопровод, корили труженицы с ведрами:

— Дыру бы вон лучше в стене заткнул, чем глазеть-то.

Студент затыкал щель соломой и стыдливо растворялся в темноте.

А по утрам главный агроном учхоза Лукаш прижимался лбом к заиндевевшему стеклу, высматривая на термометре, сколько там нынче по Цельсию. Затем нырял в тулуп и шпарил по морозу к сооружению с заколоченными ставнями.

Сооружение именовалось с некоторых пор студенческим общежитием. Подтянув тулуп, агроном штурмовал мусорную кучу у крыльца, плечом распахивал дверь и, словно небожитель, являлся внутрь на облаке пара.

В нос шибал характерный запах. Вокруг печки асимметрично теснились нары. Студенты познавали жизнь.

— Друзья! —гортанно произносил агроном и экспромтом выдавал речь в защиту свиней. К гуманности взывал он, щедро устилая говорение примерами из собственной юности.

Студенческий народ ворчал, но поднимался-таки, сознательный. Привычно тянулся к шалашам, где зимовало поросячье племя. Коленями встав на обледенелую похлебку, растирали обмороженные уши поголовья. Документально это именовалось животноводческой практикой.

Директор Баширин называл себя обидными словами. Упустил момент, не воспользовался, пока были на гребне волны. Поочередно атаковал он теперь Управление сельского хозяйства, трест пригородных совхозов и иные солидные организации. А ему всюду жизнерадостно удивлялись:

— Ба, Иван Степанович, да ведь ты не наш. К союзному министерству вы относитесь, к главку учебных заведений. Терзай их, Иван Степанович, терзай безжалостно!

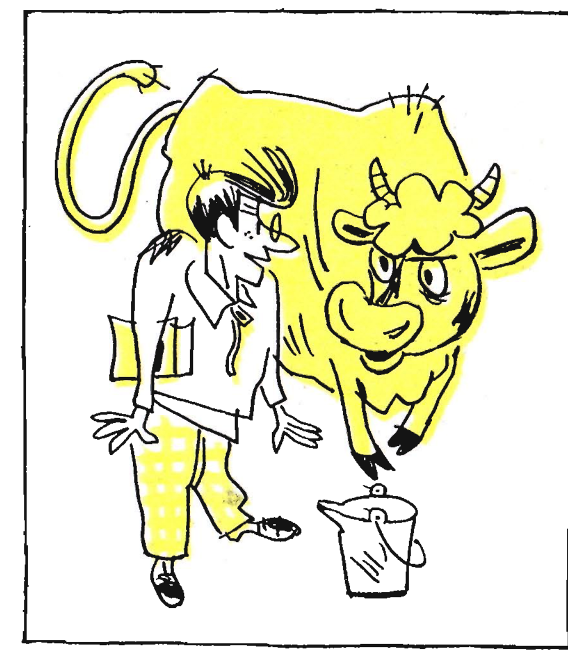
А главк в шести тысячах километров от учхоза «Оёкский». Ближе, конечно, чем Кордильеры, но все-таки...

— Послушайте,— упрямился директор,— мы же для вас кадры готовим. А зачем вам кадры, которые с механизированной раздачей кормов лишь на бумаге знакомы? Какой прогресс от них? Сами же говорили: связь с жизнью и прочее...

Собеседники морщились от старомодности Ивана Степановича. Правильно все, кто же возражает, но иные нынче проблемы, а эта отшумела, зачем же возвращаться к ней? Может, вновь зашумит когда-нибудь в централизованном порядке, тогда — другое дело...

Удалился Иван Степанович к себе в кабинет, подпер голову руками и стал мыслить над словом «учхоз». По-разному, оказывается, расшифровывается оно. Можно — «учебное хозяйство», а можно — «учетное». Насколько оно учебное, никого нынче не интересует. А вот сколько ты продукции сдашь, это учитывается строго.

С тех пор и пошли конфликтики с аспирантами, что ставили на учхозовской земле свои умные опыты. Продукция-то какая от этих опытов? А возни много. Похерили опыты. Затем подумали-подумали и турнули из учхоза потомков кордильерских герефордов, как не соответствующих молочному профилю хозяйства.



Кряхтели на кафедрах лаборанты, извлекая из-под шкафов запаутиненные плакаты. Кряхтели со значением, ибо кряхтенье — тоже протест. Попротестовали в институте этаким способом, попротестовали и успокоились. Преподаватель — тоже человек, а ездить в учхоз для демонстрации натуры неблизко, да и с транспортом затруднения. Не лучше ли оплакаться, коли теперь все это не так существенно?..

А душа по живому затоскует — Байкал рядом. Очаровательные пейзажи плюс деликатесная рыба хариус.

Иркутская область

Ц. МЕЛАМЕД

Дядя, ты молодец!

Молодожены были со мной откровенны:

— Понимаешь, дядя, мы решили не иметь детей.

— Почему!

— Дети противно плачут,— сказал он.

— Пачкают пеленки,— сказала она.

— Не позволяют заниматься альпинизмом...

— Парашютизмом...

— Разумеется,— сказал я,— с ребенком на руках прыгать с парашютом не будешь.

Они поняли иронию и наперебой выложили мне такую кучу дополнительных аргументов в пользу своего решения, что я искренне поразился, как это человечество до сих пор не прекратило своего существования.

— Ребятки,— поднял я руки вверх,— сдаюсь. Вы абсолютно правы. Но все же в квартире должно быть какое-нибудь живое существо.

— У нас будет кошечка,— сказала она,— такая миленькая пушистая кошечка.

— Кошка мяукает,— сказал я.

— Лучше заведем собачку,— сказал он.

— Собака лает,— отрезал я.— Советую вам лучше завести аквариум. Рыбки, насколько мне известно, не лают, не мяукают, не плачут.

— Дядя, ты молодец! — вскричали молодожены.— Вдобавок рыбки не пачкают пеленок... Решено и подписано — мы покупаем аквариум!

Спустя полгода я снова приехал к ним в гости.

— Ребятки, как прошел отпуск! В каких краях побывали! Какие горные вершины покорили!

— Понимаешь, дядя, мы никуда не поехали.

— Почему это!

— Разве с рыбками поедешь! — кивнул он головой в сторону аквариума.— Кто их будет кормить!

— Кто им будет менять воду! — добавила она.

Перехватив мой взгляд, она поспешно застегнула пуговку на подозрительно оттопыренном халате и, зардевшись, шепнула мне на ухо:

— Понимаешь, дядя, раз мы уже все равно привязаны к дому...

г. Рига

БЛИЦТУРНИР

Рисунок А. КРЫЛОВА

Л. ЛОГИНОВ

ВСЕСТОРОННЕ, ПО-ДЕЛОВОМУ...

На очередном заседании президиума секции любителей попугаев выступил староста Елкин. Он выглядел сумрачным и подавленным.

— Так, как мы жили до сих пор,—начал он,—дальше жить нельзя. Да и что это была за жизнь? За целый год ни одного попугая даже здороваться не научили. Не говоря уже о чем-то большем. Надо активизироваться. Шире развернуть работу с птицей. Заинтересовать ее чем-нибудь. Увлечь. С тем, чтобы в самый короткий срок повысить ее культурный уровень. Для этого нам прежде всего необходимо переизбрать весь актив, то есть: воспитателя, преподавателя и дрессировщика. Мы должны честно посмотреть в глаза друг другу и сознаться, что в свое время поступили легкомысленно, выбрав на эти должности товарищей Иванова, Ежика и Зинкину. Они не сумели установить нужных контактов с попугаями. Кроме того, Ежик и Зинкина не разговаривают друг с другом. И не удивительно, что попугаи за весь отчетный период почти не слышали так нужной им живой человеческой речи. А товарища Иванова однажды, как это ни странно, видели с рогаткой.

Сегодня мы должны выдвинуть на эти должности действительно серьезных товарищей. Лично я вместо Иванова предлагаю избрать Петрова. Он разговорчив, воспитан и подтянут. Может служить примером для кого угодно. Помоему, возражений по этой кандидатуре быть не может.

После небольшой паузы попросил слова сам Петров.

— У меня самоотвод!— сказал он.—Эта работа требует напряжения всех сил, постоянного знакомства со всеми новинками литературы. А я очки потерял. Предлагаю оставить на этой должности Иванова, как человека молодого



и только еще начинающего расти. А рогатку он сломал. И теперь у него есть все возможности стать отличным воспитателем. Но что касается Ежика, то вместо него я бы рекомендовал товарища Зайчика. Он инициативен, энергичен, за словом в карман не полезет, никогда и никуда не опаздывает. Я полагаю, что это очень достойная кандидатура на пост преподавателя.

— У меня тоже самоотвод.— Зайчик встал и развел в стороны руки.— Очень хочу попробовать себя в этой должности, но не могу. Велосипед купил! Замучился! На права сдаю! Пусть Ежик еще поработает. Исправит допущенные ошибки. Использует накопившийся у него некоторый опыт в работе. К тому же он безо всякого стеснения может опереться на помощь товарищей! Но что касается Зинкиной, то вместо нее я бы предложил кандидатуру Теркиной. Она очень целеустремленная девушка. Мастер спорта. Жизнерадостна и общительна. Никогда просто так не пройдет мимо. Обязательно чтонибудь скажет. Попугаи останутся ею довольны. К тому же Теркина недозагружена, что вообще-то недопустимо.

Несколько смущенная всем происходящим, поднялась и попросила слова сама Теркина:

— Я хочу от души поблагодарить Зайчика за теплые слова, сказанные в мой адрес. Но я взволнована не этим. Почему это я недозагружена? Я загружена по месту жительства! Не все, может быть, знают, но я общественный декан университета кройки и шитья. И у меня тоже самоотвод. Но я верю в Зинкину. Она еще себя проявит. У нее есть для этого самые разнообразные данные. Она скромна. Но если посмотреть на нее очень внимательно, то чтото чувствуется. Что-то вроде горячего желания быть полезной в коллективе. Предлагаю голосовать за нее.

Итоги собрания подвел староста Елкин.

— Так и запишем,— сказал он.— Совещание прошло успешно. Выдвинутые кандидатуры обсуждены по-деловому и всесторонне. Воспитателем, преподавателем и дрессировщиком вновь избраны Иванов, Ежик и Зинкина. С чем я и поздравляю попугаев!

ПРОСТО АНЕКДОТ



Записка начальнику учреждения: «Прошу извинить мою дочь за опоздание на работу. У меня три дочери, а в доме только одно зеркало».

●

Сережа с большим интересом смотрит, как родители купают его новорожденных братьев-близнецов. Один из них кричит, другой покорно подчиняется судьбе.

— Папа,— говорит Сережа,— оставим себе того, который потише.

●

Учитель:

— А теперь я докажу теорему Пифагора.

Лентяй с задней парты:

— А стоит ли? Мы верим вам на слово.

●

— Иванов, к какой группе животных относится очковая змея? — спрашивает учитель.

После короткого раздумья ученик отвечает:

— К группе близоруких.

●

Дама, придерживающаяся весьма высокого мнения о своем голосе, познакомилась с дирижером и продемонстрировала ему свое искусство.

— Мне многие говорили, что с таким голосом я могу пойти и в оперу. А вы как думаете?

— Разумеется. Если вы купите билет...

●

— Простите, сколько вам лет?

— Могу только сказать, что моя дочка ходит в детский сад.

— А, понял! Она работает там воспитательницей?

●

Основательно подвыпивший водитель выехал на улицу с односторонним движением и едет навстречу потоку машин. Остановивший его милиционер насмешливо спрашивает:

— Куда вы едете?

— Я и сам не знаю... Но, наверное, опоздал,— все уже возвращаются назад.

●

Молодой человек представляется владельцу бродвейского кабаре:

— Я массажист, за двадцать долларов в месяц готов массировать ваших танцовщиц.

— О'кей! Если деньги при вас, можете приступать.

●

Офицер говорит солдату:

— Почему вы пьянствуете, Смит? Если бы не пьянство, вас произвели бы в капралы.

— Но, господин лейтенант, когда я выпью, я чувствую себя полковником.

●

СОВРЕМЕННЫЙ МЮНХГАУЗЕН

Рисунок А. ЕЛИСЕЕВА и М. СКОБЕЛЕВА

РАПОРТ О ЗАВЕРШЕНИИ СТРОИТЕЛЬСТВА ВОДОПРОВОДА



— Слушай, одно из двух: либо ты остаешься поваром, либо идешь в музыканты.

Рисунок Ф. КУРИЦА



Рисунок О. ТЕСЛЕРА

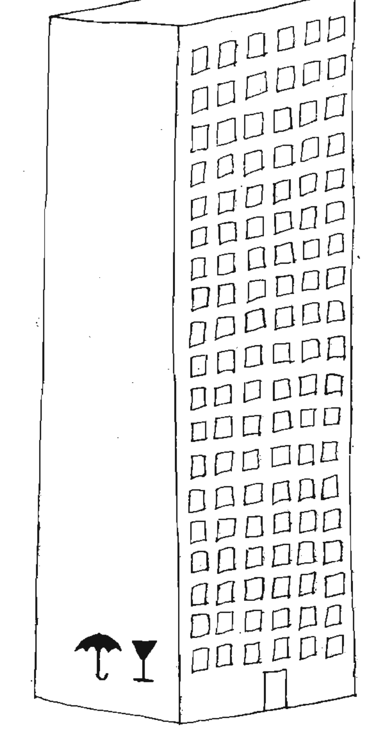


Рисунок А. СЕМЕНОВА

ПОЧЕМУ МЫ ТАК ГОВОРИМ

Хорош гусь!

— сказал молодой зоотехник, впервые увидевший индюка.

В. Сусликов, пос. Салтыковка, Московской обл.

Престольный праздник

Вообще-то первое слово надо бы писать через «и» — пристольный, от выражения «при столе».

С. Кобелев, г. Ульяновск

Моя хата с краю

— адрес свидетеля, которого милиционер просит пройти в отделение милиции.

С. Семин, г. Горький

Огорошить

— принести жене десять банок консервированного горошка.

Р. Донской, г. Жданов

Лучше поздно, чем никогда

Это изречение принадлежит жителям поселка Охотск, Хабаровского края. Случилось это потому, что 34-й номер журнала «Крокодил» за 1969 год мы получили 28 января 1970 года.

И. Липин, Хабаровский край

Наше вам с кисточкой!

— выражение продавцов парфюмерных магазинов, которые к хорошим лезвиям в качестве «нагрузки» прилагают плохой помазок.

Б. Иванов, г. Иваново

На птичьих правах

— говорят о «дикарях», снявших курятник в разгар курортного сезона.

Н. Сергеев, г. Днепропетровск

Идти по пятам

— пробираться к выходу в переполненном автобусе, троллейбусе, трамвае.

В. Гусев, г. Норильск

Николай ПОЛОТАЙ

ЗООАФОРИЗМЫ

Философия живца: сам на крючке и других сманивает.

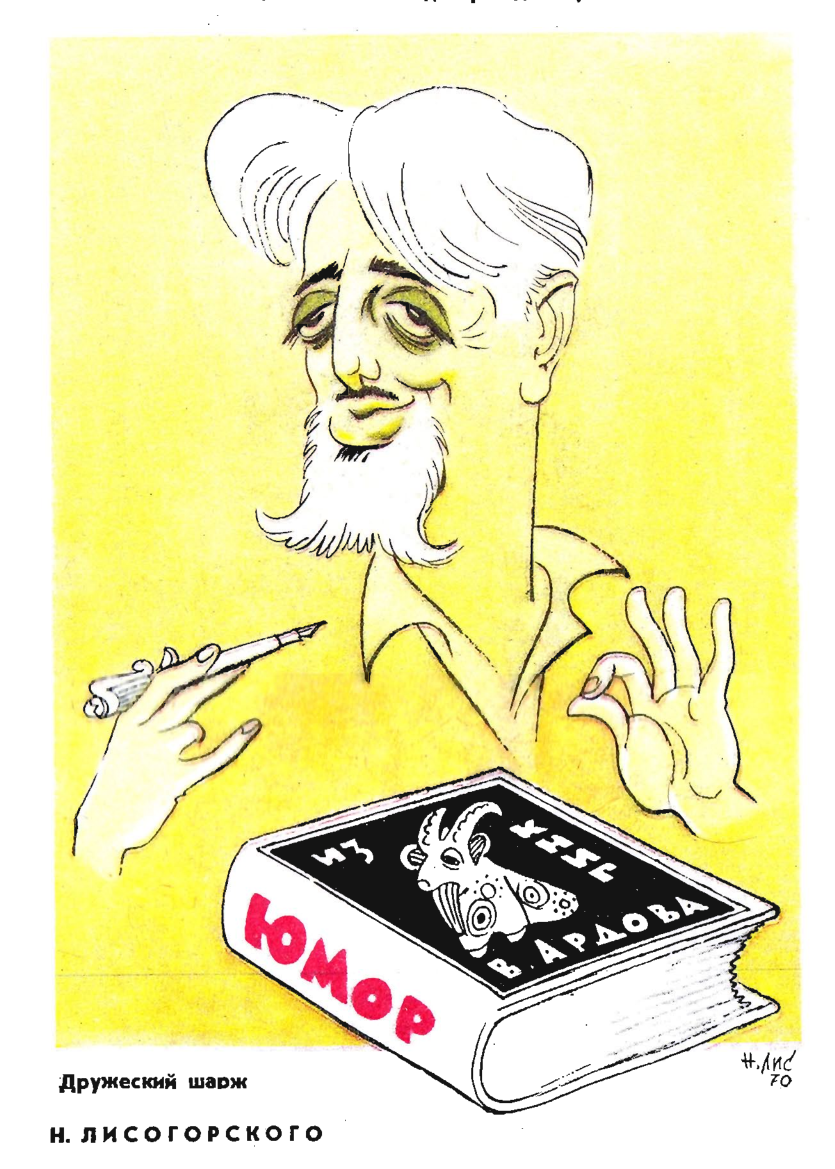
У рыбы не спрашивают, чем ее фаршировать.

Доточили слона до бильярдного шарика.

Рак краснеет не за себя — за человечество.

ВИКТОР ЕФИМОВИЧ АРДОВ

(к 70-летию со дня рождения)



Дружеский шарж

Н. ЛИСОГОРСКОГО

ЛИТЕРАТУРНЫЕ ПАРОДИИ

Юрий ШАНИН

ГЛУБОКОЕ КАЛАМБУРЕНИЕ

(Яков Козловский)

I. Бытовое

Листвой гордится ива новой,
Легко плывет туман долиной...
А у гражданки Ивановой
Поклонник новый —
с мандолиной.

II. Транспортное

Чтоб дисциплину не ослабить,
Погонщик принялся осла бить.
Хоть кнут о круп
в итоге
сломан,
Не понят все же был
ослом он.

Владимир ШАМША

ПЕСНЯ О КОСЕ, ГРИБАХ И РИСКЕ

«...Когда весна в садах цветет,
Сады бывают белыми.
Когда любовь в сердца придет,
Сердца бывают смелыми».

Мих. Матусовский. (Из песен.)

Когда на травах есть роса,
Бывают травы росными.
Когда у девушки коса,
Она бывает с косами.

Когда грибы растут в лесу,
Они не маринованы.
Когда веснушки на носу,
Они не нумерованы.

Когда рискнешь все это дать
Пропеть Людмиле Зыкиной,
Тогда спокойно можешь спать:
Из песни слов не выкинут!

Виктор ЗАВАДСКИЙ

НЕ УТРУЖДАЙ МЕНЯ БЕЗ НУЖДЫ

Но если слава, перестав
блуждать,
Притащится ко мне походкой
лисьей,
Тебе себя не надо утруждать,
На торжестве моем ты будешь
лишней.

Юрий Панкратов

Конечно, я подать его могу,
Но подавать я не желаю виду.
В себе, как в сейфе, свято берегу
Тобою нанесенную обиду.

Но будет день: я так писать начну,
Что из меня начнет вылазить гений!
Мгновенно осознав свою вину,
Кусать ты будешь локти. И колени.

А после под окно придешь. Рыдать.
Но я не дрогну: вовремя рыдают!
Тебе меня не надо утруждать.
Теперь меня другие утруждают!

КРОКОДИЛ

№ 31 (1969)

ИЗДАЕТСЯ С ИЮНЯ 1922 ГОДА

ИЗДАНИЕ ГАЗЕТЫ «ПРАВДА»



журнал выходит три раза в месяц

Темы рисунков этого номера придумали: М. Вайсборд, Ю. Ганф, А. Грунин, В. Жаринов, Н. Капуста (г. Донецк), В. Коршков (г. Брянск), Ф. Куриц, К. Невлер, А. Семенов, Н. Станиловский, Ю. Степанов, И. Сычев, В. Тамаев, О. Теслер, Ю. Узбяков.

НАШ АДРЕС: МОСКВА А-15 ГСП БУМАЖНЫЙ ПРОЕЗД Д. 14



ТЕЛЕФОНЫ: 250-10-86 253-34-37

Главный редактор М. Г. СЕМЕНОВ

Редакционная коллегия:
М. Э. ВИЛЕНСКИЙ
А. Е. ВИХРЕВ (зам. главного редактора)
Б. А. ЕГОРОВ
Б. Е. ЕФИМОВ
В. Д. НАДЕИН (ответственный секретарь)
И. М. СЕМЕНОВ
С. В. СМИРНОВ
А. А. СУКОНЦЕВ
А. И. ХОДАНОВ
Н. И. ШТАНЬКО
Е. А. ШУКАЕВ (художественный редактор)

ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА»

Технический редактор А. В. КОТЕЛЬНИКОВА

Сдано в набор 21/X 1970 г. А 00166. Подписано к печати 29/X 1970 г. Формат бумаги 70×108 1/8. Объем 2,80 усл. печ. л. 4,54 уч.-изд. л. Тираж 5 100 000 экз. (1 завод: 1—3 683 900). Изд. № 2083. Заказ № 2968.

Ордена Ленина типография газеты «Правда» имени В. И. Ленина. Москва, А-47, ул. «Правды», 24.

Цена номера 12 коп.
Индекс 70448

Во время своего визита в Грецию американский министр обороны Лэйрд сообщил об увеличении поставок хунте тяжелого вооружения.



СВАДЬБА С ПРИДАНЫМ

Рисунок Ю. ГАНФА